

Петр Катериничев

Охота на Медведя

ЦЕНТРОЛИТРАФ

Петр Владимирович Катериничев

Охота на медведя

Текст предоставлен автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=119230
Охота на Медведя: Центрполиграф; М.; 2005
ISBN 5-9524-0562-2

Аннотация

Олег Гринев, брокер по прозвищу Медведь, решается на небывалую по масштабам финансовую операцию. Но некто, предпочитающий оставаться в тени, просчитывает все, даже боль личной трагедии гениального брокера. В решающий момент только вера, честь и достоинство, совсем не те качества, которые популярны в современной жизни, неожиданно спасают Олега.

Содержание

ПРОЛОГ	5
Глава 1	13
Глава 2	19
Глава 3	24
Глава 4	33
Глава 5	42
Глава 6	47
Глава 7	53
Глава 8	59
Глава 9	65
Глава 10	71
Глава 11	77
Глава 12	83
Глава 13	92
Глава 14	102
Глава 15	110
Глава 16	116
Глава 17	121
Глава 18	126
Глава 19	132
Глава 20	138
Глава 21	144
Глава 22	148

Глава 23	155
Глава 24	162
Глава 25	172
Конец ознакомительного фрагмента.	174

Петр Катериничев

Охота на Медведя

Медведь – в Мифологических представлениях и ритуале – основатель традиции, дух-охранитель, хозяин, даритель, двойник человека, один из главных героев сказок, былин, загадок, поверий, заговоров.

Медведь – брокер на бирже, играющий на понижение курса ценных бумаг. Название связано с тем, что в природе медведь, нападая на противника, бьет его лапой сверху вниз.

Рад медведь, что стрелка обошел, рад стрелок, что медведю не попался.

В. Даль. Пословицы и поговорки русского народа

ПРОЛОГ

Франкфурт-на-Майне, Германия

Длинный коридор разделен ровными прямоугольниками дверей; пол в ковровом покрытии, безукоризненная геометрическая правильность стен; сквозь окно в конце коридора проникает ровный неяркий свет; лишь один лучик прочер-

чивает помещение, и воздух в этом луче переливается охрой и золотом, словно блески на покрывале лесной феи.

В одной из комнат за столом друг против друга – сухощавый профессор-немец и выпускник финансового факультета Олег Гринев. Его лохматая шевелюра и пиджак, явно купленный на распродаже, резко диссонируют со строгой репутацией заведения. Впрочем, Гринев не выглядит здесь ни лишним, ни жалким. Открытое, волевое лицо, прищуренные синие глаза. Он высок, атлетически сложен, и порою кажется, что стоит лишь ему подняться с небольшого стула перед профессорским столом, развернуться, то он не только потолок проломит, но и разворотит играючи весь этот роскошный кабинет.

В углу – большие напольные часы; их неторопливый ход гулок и напоминает удары метронома, неумолимо отсчитывающего мгновения нашей жизни. А уж какой сложится эта жизнь – гармоничной, полной музыки или – наоборот?

Солнечный луч есть и в этой комнате; Гринев мечтательно наблюдает переливы золотого в его сиянии. Профессор говорит монотонно, но в голосе его угадывается и некоторое сочувствие:

– Господин Гринев, ваше упорство превзошло все мои ожидания. Будем считать, что вы сдали мой экзамен. Долго готовились?

– Достаточно долго, доктор Гофман.

– Хотите совет?

– Да.

– В вас чувствуется амбиция. Вас ведь не устроит место счетовода в каком-нибудь банке?

– Нет.

– В том-то и дело. Но заниматься финансами я вам не рекомендую.

Категорически не рекомендую. – Профессор снимает очки, взгляд да и само лицо его становятся наивными и немного детскими, как у всякого человека, вдруг лишенного привычных, укрупняющих мир линз. – Упорство здесь не поможет, господин Гринев. Деньги – нет, не те деньги, что люди тратят на еду или развлечения, а деньги истинные, значимые, то, что мы именуем финансовыми потоками, – они похожи на когорты и легионы невидимой армии. И каждый, кто прикоснулся к таким деньгам, чувствует даже не искушение – страсть управлять ими. Страсть сгореть в лукавом пламени мнимой власти. Править. – На лице профессора мелькнула улыбка страдания. – Деньги дают иллюзию могущества, но людям кажется, что правят именно они. Лукавство в том и состоит, что сами финансы мнимы, эфемерны, они дают все, что желает получить смертный, все, кроме жизни. А забирают самого человека. Его сердце. Его душу. Мне приходилось видывать людей, что называется, на гребне успеха, но поверьте, это были конченные люди. Под масками довольства – лишь пустота, и ничего, кроме пустоты.

В вашем языке есть более емкое слово: «нежить». – Про-

фессор помолчал, произнес едва слышно:

– А у нежити своего лица нет, она ходит в личинах.

В старинных часах что-то хрипло заурчало и гулко пробило один раз.

Профессор сразу замолчал, сник, и вид у него был такой, будто он сказал что-то тайное, чего говорить, по крайней мере в этом кабинете, вовсе не следовало. Он даже слегка покраснел, словно спохватившись, надел очки, взгляд его снова стал безразличным, голос – тихим и ровным:

– Финансы – это сокрушающая сила, господин Гринев. Но силу эту вы совсем не чувствуете. – Профессор закончил совсем уж буднично, даже суховато, явно стесняясь своего недавнего многословия:

– Как ваш преподаватель, рекомендую вам подыскать другую профессию.

Гринев ответил спокойно и твердо:

– Благодарю вас, доктор Гофман. Мне нравится моя профессия. – Помедлил и добавил еще уверенно:

– А что до силы... Не в силе Бог, а в правде.

Профессор странно улыбнулся, словно сочувствуя – то ли сидящему перед ним выпускнику, то ли самому себе:

– Видно, что-то важное мне так и не удалось до вас донести, господин Гринев. А впрочем... Вы ведь собираетесь работать в России?

– Да.

– Тогда... Один только Бог знает, чем вы станете. – Про-

фессор склонился над столом, дорогим пером подписал лежащий перед ним реестр. – Диплом вы сможете забрать завтра в деканате. – Сосредоточенно завинтил колпачок ручки, взглянул на Гринева пристально, улыбнулся:

– Удачи вам, Олег.

– Благодарю вас, доктор Гофман.

Гринеv выходит тем же коридором на площадь, оборачивается и пристально смотрит на стилизованные фигурки перед зданием биржи, останавливает взгляд на медведе.

Пригород Вашингтона, США

За фигурной литой оградой – частное владение. Огромный ухоженный парк, поле для гольфа. Чуть дальше – здание элитной психиатрической лечебницы: белое, в колониальном стиле.

В комнате, полной света и живых цветов, совсем юная девушка беседует с врачом, холеным мужчиной лет пятидесяти.

– Я принесла дяде Роджеру свежие газеты.

– О, сэр Джонс любит все свежее, – доктор внимателен и спокоен, – свежавыжатый сок, свежемолотый кофе, свежие сорочки. А вот свежие газеты ему совсем не нужны. Он требует только «Wall Street Journal» за тысяча девятьсот семьдесят третий год. И отчеты своих банков того же периода. Мы регулярно ему это предоставляем.

– Скажите, доктор, его заболевание...

– Все дело в том, мисс Джонс, что он вовсе не кажется больным. Просто его сознание не желает считаться с настоящим. Оно переместилось на треть века назад. При этом он активно и успешно работает.

– Работает?

– О да. Это специфическая клиника.

У нас все работают. Или – играют.

Биржевики как дети: им нужно постоянно играть. Есть поразительные примеры...

– Да?

– Один молодой человек. Он был ведущим трейдером «Крименса» на фондовой бирже. Стабильность, никакого особого риска, но притом – дикое напряжение и, наверное, искушение. Рассудок не выдержал, и он попал к нам. И знаете, что самое невероятное?

– Что?

– Мы тут создали виртуальную биржу. И фондовую, и валютную...

Трудоголиков, особенно биржевиков, нельзя лишать привычного азарта – это для них как бы наркотик, но такой, что повышает и уровень тестостерона и особенно серотонина...

– Доктор...

– Извините, мисс Джонс, увлекся. Так вот: после серьезного кризиса молодой человек попал к нам и – будто сдерживающая пружина сломалась в нем. Да, он потерял рассудок,

но сохранил талант и интеллект, как это ни покажется странным. И стал играть рискованно, на грани безрассудства, но столь успешно, что, будь наша биржа реальной, он уже сделался бы миллиардером. За какой-нибудь год.

– Вы говорите, он успешен... Так может быть, это не болезнь?

– К сожалению, молодой человек неизлечим, – отрезал доктор тоном не допускающим возражений. – Блестящий интеллект еще не есть сознание. Вы это вряд ли поймете, но для любого специалиста картина его заболевания ясна.

– Тогда все мы несколько нездоровы... – негромко, словно про себя, произнесла мисс Джонс.

Доктор посмотрел на нее так внимательно, что девушка смутилась. Потом справилась с собой, вздернула подбородок:

– Я забыла, что шуток у вас не понимают. У вас их фиксируют.

– А разве вы шутили?.. – Доктор выдержал паузу, изобразил губами улыбку:

– Вы напрасно полагаете, милая леди...

– Скажите, доктор, – перебила врача мисс Джонс, едва справившись с возникшим вдруг чувством острой антипатии к сидящему напротив психиатру, – а дядя Роджер...

– С ним проблем нет. Вот только... Сейчас он постоянно пытается связаться с Москвой, с неким Сержем Корсакофф и Теодором Гриневф. И несколько взвинчен и обескуражен

неудачей этих попыток. У сэра Джонса были компаньоны в Советской России?

– Я ничего про это не знаю. – Девушка улыбается. – В семьдесят третьем меня еще не было. Думаю, даже мои родители тогда еще учились в школах. В разных штатах. Скажите, могу я, увидаться с дядей Роджером?

– Сегодня он немного переутомлен. Ему рекомендован дневной сон.

– Вот как? Тогда... вы не могли бы передать ему эти кексы к чаю? Дядя их очень любит.

– Не беспокойтесь, мисс Джонс, мы помним обо всех его пристрастиях и следуем им. В конце концов, один из самых богатых финансистов Соединенных Штатов заслужил к себе и самое внимательное отношение. – Доктор замолчал, добавил после короткой паузы с мягкой улыбкой:

– К тому же это его клиника.

Глава 1

Бескрайнее заснеженное поле, лес темнеет вдаль, а у края – засыпанная по самые ставни деревенька да церковь на взгорке. Путник бредет через замерзшую замершую реку по черному бесснежному льду, как по пузырьчатой бездне, бредет сквозь молочную влажную пелену пронизанного лунным светом тумана. Солнце зашло, но на западе еще мерцают из-за занесенного горизонта косые всполохи малинового и сиреневого, будто подсвечивая ночь отблесками всех бывших и будущих пожаров... Путник бредет через поле и через ночь уже целую вечность... И падает снег, засыпая и дома, и тропку, и путника, и храм на взгорке, который, кажется, светится сам собою... Снег падает тихо, нежно, словно желая сокрыть до поры светлую тайну, хранимую этим народом и этой землей...

...А дальше – была тьма. Кромешная. И из этой тьмы прямо на Олега неслись яркие желтые огни... Он замер, сердце запульсировало близким ужасом небытия, но фары несущегося автомобиля проросли словно сквозь него. А потом – был скрежет железа, лучи света косо пронзили пространство и замерли, беспомощно глядя в близкое небо. Снежинки падали и искрились в этом странном свете, и казалось – там, в дальней дали, свет этот сливается с сиянием и – теряется в высоком таинстве бесконечности...

Гринев открыл глаза и смотрел теперь в ночь. Постепенно он различил и сводчатый небеленый потолок из плотно пригнанных досок, и смутный силуэт рядом на постели. Облегчения оттого, что катастрофа оказалась лишь сном, не наступило. Олег, закрыв глаза, видел теперь камень – темный рубин цвета густой медвежьей крови... Сердце ныло тупой болью, словно где-то внутри застрял туго скрученный комок.

Огонек спички вспыхнул, вырывая у тьмы край света. Олег увидел свое расплывающееся изображение в стекле темного окна: твердый подбородок, жесткая линия рта и черные провалы под глазами. Прикурил, взял с прикроватной тумбочки полупустую бутылку дорогого «Мартеля», сделал несколько глотков из горлышка, в две затяжки спалил сигарету и снова лег.

Закрыв глаза; ему вспомнилась поминальная трапеза, подруги мамы – с красными веками, сослуживцы отца; он сам, облаченный в черный пуловер и в черном галстуке. Олег не вслушивался в слова соболезнования, они были ритуальны и ничего не значили и не стоили отдельно от повода, от роковой случайности, собравшей здесь всех этих людей. Таких разных. Слишком разных.

Строки из «Бусидо сосинсю» пришли на память сами:
"Хорошему воину надлежит заботиться о родителях.

Вставший на путь воина должен постичь сокрытую от многих связь корней и ветвей фамильного древа. Воин, не постигший этого таинства, не сможет уразуметь сути и смыс-

ла священного долга". Да. Хорошему воину надлежит заботиться о родителях. Поздно. Сколько он лежал без сна – час, два, три?.. Посмотрел на часы, присел, опустив ноги на коврик, потерянно глядя прямо перед собой. Точечка сигареты вспыхивала то и дело, освещая его лицо, запавшие щеки, черные расширенные зрачки.

Из-за плеча появилось заспанное лицо девушки.

– Ты что так рано?

– Не спится.

– Ты стонал во сне. Тебе кошмар приснился?

– Не помню. Мне пора.

– Угу. – Девушка снова уткнулась головой в подушку.

Уже одетый, Гринев подошел к окну, слегка приоткрыл занавеску и посмотрел в новый день так, словно боялся его; глаза прищурены, как от нестерпимого света. Подошел к кровати, положил на тумбочку три сотенные долларовые бумажки.

Девушка снова открыла глаза:

– Ты добрый. Мы же ничего не делали даже. Ты просто спал.

– Мне было тепло. Это не так мало.

– Приходи еще, ладно? Просто так приходи.

Олег вышел из подъезда. Дальний московский микрорайон. Дома одинаковы, серы, хмуры, Гринев озирается, словно пытаясь понять, где он, как попал сюда.

Запахивает пиджак, стараясь защититься от вялой утрен-

ней мороси или – от той стужи, что поселилась в душе. Замечает в первом этаже одного из домов крохотное кафе, заходит.

Олег сидит за столиком, перед ним, на крахмальной скатерти, большая чашка кофе и рюмка водки. Ни к чему он еще не притрагивался: сидит и смотрит в пустоту.

– Чтой-то, сынок, ты сам не свой, – подходит к нему пожилая женщина.

Видно, в этот ранний час она здесь и за официантку, и за повариху, и за хозяйку. Подсаживается:

– Ты извини, что запросто вот так, а только... Ты щас как мальчонка потерянный... Случилось чего?

Олег молчит.

– А все одно – не сиди так. Всякое в жизни бывает, а сид-нем сидеть – ничего не высидишь, кроме тоски горькой. Домой пойд-ди, дом – он всегда дом.

Тепло там.

– Нет у меня дома. Так, жилище.

– Жена ушла?

– Родители... погибли... – Это Гринев произносит словно через силу. Может быть, потому, что лицо у женщины – искреннее, участливое... – Папа разбился на машине. Зимой. Мама умерла тем же вечером. Как узнала.

– Это горе.

– Какой-то встречный фарами ослепил, и все. – Голос у Гринева как сухой пергамент. – Получилось, убил двоих.

– И пожалиться тебе, видать, некому... Да ты не замыкайся, не совестись, жалея себя, коль жалеется, вот только на жизнь не обижайся. Всяко в ней, в жизни, бывает.

– Да не себя я жалею. Просто... я уже никогда не смогу сказать им, как я их люблю.

– Глупый... Про то и слов никаких не надо, они, я чаю, и так это знали. И тебя, видать, любили не для себя, а чтоб тебе хорошо было. Вот ты и вырос совестливый. Добрые родители были.

– Добрые.

– В том и беда: как сиротой остаешься, понимаешь: никто уже тебя не будет любить всякого и просто потому, что ты есть. Только ты не горюй, сынок. Добрые – они кроткие, неприметные, а дела их живут после долго. И в тебе жить будут.

Злые – те на виду: они и силу, и роскошь свою выказывают, и души нестойкие тем в смуту приводят... И словечко какое сейчас в моду вошло: «крутой»! Не «бедный», не «богатый», не «добрый», – в тех словах и «беда», и «добро», и «Бог» слышатся, а в этом что, в «крутом»? Неподступность одна, словно утес какой заброшенный да Богом забытый, откос, с которого падать – легче легкого. – Женщина вздохнула. – Ты знаешь чего, парень, ты скрепись. Да дело делай. Дело, я чаю, есть у тебя?

– Есть.

– А родители на тебя смотреть будут да радоваться.

– Смотреть?

– А то. Это они для тебя умерли, а для Бога – живые. – Женщина перекрестилась. – И знать о том людям дано, чтобы эту жизнь по совести жить.

Ладно, заговорила я тебя. А пойду-ка я тебе яишенку поджарю. Ты стопочку выпей, а заразой этой все ж шибко не увлекайся: облегчения она не дает, только мгу на душу ложит, хуже морока, вот в нем, в том мороке, точно пропадешь. Когда теряешь близких – это как яма холодная, уж я знаю, только водкою ее не согреешь. Ты, милый, по сторонам оглянись, людей добрых рассмотри. Их много, живых.

Женщина скрылась в подсобке. Олег посидел немного, двумя глотками допил кофе, оставил на столике деньги и вышел прочь.

Глава 2

Олег прошел с полквартала к автостоянке. Рядом с будкой охранника припаркован дорогой, престижный автомобиль. Гринев открывает замок, усаживается, плавно трогает. И – словно попадает в другой мир: здесь легкая прохлада кондиционера, хорошая джазовая музыка; здесь все упорядоченно, все – на своем месте, каждая деталька блестит; город, отделенный тонированным стеклом, остается словно в другом мире, в другой галактике. По крайней мере, он выглядит таким.

Автомобиль мчит к центру на огромной скорости, обгоняя зазевавшиеся авто, сопровождаемый возмущенными гудками клаксонов. Гринев замечает девушку у тротуара: стриженный пытается затащить ее в большую иномарку, та сопротивляется, но с каким-то совсем обреченным покорством, бросая безнадежные взгляды по сторонам. Видно, ловила «мотор», и тут – такое «везение»... Редкие прохожие спешат мимо, лишь ускоряя шаг.

Гринев тормозит резко, подруливает, выскакивает из автомобиля, бьет парня по руке, освобождая девушку.

– Зря ты это, ботаник... – скорее удивленно, чем зло начинает тот и смолкает: удар Гринева молниеносен и совершенно не эффектен, даже незаметен со стороны, но парень мешком оседает на асфальт. Двое его товарищей вывалива-

ются из машины, озадаченно смотрят на опавшего сдутым мячиком компаньона, на автомобиль Гринева, потом на него самого. Ярость Олега словно завораживает их.

– Ты кто? – спрашивает один.

Не говоря ни слова, Гринев достает портмоне, выбирает из разноцветных визиток одну и оставляет под «дворником» на лобовом стекле. Энергично кивает девушке: , – В машину!

Та послушно садится на переднее сиденье, они отъезжают; в зеркальце заднего вида можно заметить, как один из пацанов пытается привести в чувство упавшего, а другой осторожно извлекает из-под дворника дорогую визитку и изучает ее так, словно она отпечатана на суахили. На кусочке картона – оскаленная медвежья морда, тисненая надпись «Медведь» и номер телефона: 03.

– Куда тебя подвезти? – спрашивает Олег у девушки совершенно равнодушно.

– На Сретенку, – отвечает та автоматически, все еще находясь в некотором оцепенении. Олег кивает. Девушка красива, но Гринев, похоже, даже не замечает этого.

Москва за окном – величественная, суетная, несуразная, отгороженная сейчас тонированным стеклом автомобиля, мягкой мелодией, льющейся из динамиков стереосистемы, уютom салона – нереальна, как декорация из другой жизни.

– Почему ты полез? – нарушает затянувшееся молчание девушка.

– Полез? Куда? – Сосредоточенный на своих мыслях, Олег

не сразу понимает вопрос.

– Заступаться за меня.

– Я мужчина.

– Никому сейчас не нужны чужие проблемы.

Гринев только пожимает плечами.

– Знаешь, один мой приятель любит повторять: если это твоя война – воюй, если не твоя – отдыхай, – произносит девушка.

– Он не прав.

– Разве?

– Чужой войны не бывает.

Они снова едут в молчании, только музыка.

– Ты кажешься очень холодным, – тихо замечает девушка.

Олег слегка кривит губы, произносит, как ему кажется, иронично, но получается горько:

– «И эти черные одежды скрывают сущее, живущее во мне: оно с судьбой отвагою играет, а маскарад – со мною умирает».

– Чьи это слова?

– Бредни одного принца, так и не сделавшегося монархом.

– Почему?

– Он не хотел править. Власть – это одиночество.

– Любое первенство – одиночество. Ты ведь хочешь быть первым?

– Да.

– Почему?

– Выбора нет.

– Разве? У людей всегда...

– Его нет для меня, – обрывает ее Олег. И снова они едут в молчании.

– Нет, ты не холоден, – тихо произносит девушка. – Ты непреклонен.

Одержим. Это страшит.

– Может быть. – Олег припарковывает автомобиль к поребрику. – Ты приехала.

Девушка обиженно складывает губки, на лице ее разочарование борется с любопытством, она немного медлит, возможно рассчитывая на знакомство... Наконец распахивает дверь, спрашивает:

– А все-таки... кто ты такой?

– Друзья называют Медведем, – устало отвечает Олег.

– Друзья? А они у тебя есть?

* * *

Двое сидят в зашторенном глухими порттьерами кабинете.

– Проект пора запускать. Вы готовы? – спрашивает хозяйин.

– Да.

– И уже подумали над кандидатурами?

– В покойники?

– Вряд ли шутки пока уместны.

– Разве это шутка?

– Итак?

– Подумал. – Тонкая рука с длинными ухоженными пальцами кладет на стол несколько фотографий Гринева и резюме.

Глава 3

Гринев въехал на тротуар, запарковал машину в совершенно неполюженном месте, вышел, хлопнув дверцей. Поднес к уху сотовый:

– Иваныч? Машину забери на Сретенке. На Садовом пробка, я на метро, так быстрее.

На станции было битком. На перроне образовалась небольшая свалка, сопровождавшаяся ленивой привычной руганью: у кого-то полосатый баул зацепился за чью-то сумку, у кого-то тележка слетела с колесиков, кто-то просто оказался затертым и теперь стремился к выходу, навстречу спешащему к дверям остановившегося поезда встречному потоку пассажиров. Посреди толпы нелепо застыл прилично одетый пожилой господин в хорошем твидовом костюме, со старорежимным портфелем крокодиловой кожи, в замшевой шляпе; на окружающих он взирает близоруко, но совершенно спокойно и даже отрешенно. Его очки в дорогой черепаховой оправе лежат на краю перрона и вот-вот упадут на рельсы.

Гринев шел сквозь толпу, как раскаленный нож сквозь масло. Если ему и сопротивлялись, то только сначала; движения его были скупы, выверенны и столь властны, что люди расступались сами, исходя из извечного российского здравомыслия: раз он так поступает, значит – имеет право.

Олег одним движением наклонился, поднял готовые упасть на рельсы очки, вручил их старику, добавив покровительственно-добродушно:

– Вы бы, дедушка, по воздуху гуляли. Здесь раздавят. Да и время вы для прогулок выбрали не самое подходящее...

Старик улыбнулся, но улыбка эта была странной: словно он знал и про людей, и про страну что-то такое, о чем сами они давно забыли и зареклись вспоминать.

А очки принял с достоинством сюзерена, поблагодарил кивком, произнес спокойно:

– Нас не раздавят. А время... время, молодой человек, не выбирают. Его создают.

Старик надел очки, взгляд его пусть на миг, но преобразился: стал жестким, оценивающим. И еще – в этом взгляде мелькнуло нечто, похожее на узнавание... Но миг этот пропал, Гринев даже подумал, не привиделся ли ему этот жесткий прищур и упорная складка рта.

– Спасибо... Олег, – сказал вдруг старик.

– Мы знакомы? – удивленно взгляделся в его черты Гринев.

– С вами – нет. А вот с отцом вашим я был знаком. Вы... очень похожи на него.

Словно всполох затаенной боли мелькнул в зрачках Олега, но вряд ли старик заметил это. Гринев развел губы в натянуто-вежливой улыбке:

– Разве? Мне всегда казалось, что во мне больше от мамы.

Старик посмотрел на него пристальней, внимательней,

покачал головой:

– Все стоящее в людях проявляют годы. Все пустое и бездарное – тоже.

Олег поморщился – такой неуместной показалось ему это сомнительное стариковское философствование здесь, среди мечущейся толпы.

– Вы теперь спешите... – уловил его настроение собеседник, подал простенькую визитку. – Заходите как-нибудь. На чаек. – Старик попрощался легким поклоном с естественным достоинством.

– Непременно, – рассеянно кивнул в ответ Гринев, вежливо улыбнувшись, спрятал визитку и поспешил втиснуться в подошедший поезд.

Уже в коридоре офиса Олег понял: в конторе скандал. Худая молодящаяся дама, одетая столь же дорого, сколь и безвкусно, в какое-то неопишное желтое платье, орала на сотрудников и методично сбрасывала со столов на пол все, что только возможно: скрепки, бумаги, скоросшиватели, карандаши в стаканчиках, продолжая при этом истерично вопить на высокой ноте.

Навстречу Гриневу выскочил долговязый худой очкарик; лицо его было покрыто красными пятнами.

– В чем дело, Том? – спокойно спросил Олег.

– Клиентка... – беспомощно пожал плечами Том. – Жена Льва Гоношихина.

– Чего она хочет?

– Да дура она!

– Это я заметил. – Гринев был собран и сосредоточен. – Чего она хочет?

– Она хочет денег. Вложила двести тысяч, да, видно, с муженьком не посоветовалась. Тот ей и вставил... Теперь тетя орет, как резанный поросенок.

– Если б вставил – не орала бы. Хреновый ты психолог. На сколько у нее договор?

– На полгода. А прошло два месяца. Она хочет возврат с процентами. И лексикон у нее... – Том поморщился. – «Вышли мы все из народа...»

– Кто принимал у нее деньги?

Том понуро и покаянно опустил голову:

– Я. Она уже третий раз такое устраивает... И никого нет. Ты – пропал, Чернов – вообще в поднебесье где-то...

Дама заметила Гринева, мгновенно распознала в нем начальника, ринулась к нему через двери:

– Если вы принимаете меня за лохатую дуру, так у вас не пройдет! Ишь, пристроились жировать! И если вы сейчас же... – Накат ее словно наткнулся на стену: Гринев был холоден, почти безучастен и очень хорош собой. Он улыбался одними губами, и оттого лицо его казалось хищным; спросил спокойно-участливо:

– Чем я могу помочь?

– Вы понимаете, я хочу... Мне... А тут у вас... – Дыхание у нее перехватило, она затараторила, двигаясь всем телом вы-

чурно и неестественно, присела на стол так, что и без того короткое платье сделалось еще короче... Что и говорить, ноги у нее были безукоризненные.

– Да вы просто тайфун... – В голосе Гринева появилась бархатистость, а глаза остались ледяными.

Дама какое-то время молча смотрела на Олега, потом быстрым движением открыла сумочку, достала глянцевого листок, выложила. На нем оказалось рекламное изображение сверкающего автомобиля. Дама надула губки, словно обиженный ребенок:

– Я хочу это. Мне надоело ездить на рухляди. А Лева – жмот. – В уголках глаз появились слезинки, дама смахнула их аккуратно, чтобы не испортить густо наложенный макияж. – Вы понимаете, это вовсе не каприз. Мне это нужно. А Лева обнаружил пропажу денег и устроил... Вы не представляете, какой он истерик!

Маленький лысый истерик! – Дама смотрела на Гринева, и в глазах ее была привычная, снулая тоска.

– Мы все устроим. Кофе?

– Лучше коньяк.

– Прошу. – Гринева достал из шкафчика дорогой коньяк, налил в широкостенный бокал. Кивнул Тому:

– Пойдем посмотрим.

В кабинете Гринева они застыли перед экраном монитора.

– Олег, я вложил ее деньги в алтырьевские бумаги. Они начнут подниматься месяца через три, не раньше. И свобод-

ных денег у нас нет.

– Ганевские акции на подъеме. Мы сольем их за час. Выдай даме ее деньги и двадцать пять процентов сверху.

– Мы потеряем... – Том поднял глаза, что-то подсчитывая.

– Ты разучился считать, Том? По алтырьевским – долгосрочный восходящий тренд. Ха-а-роший подъем. Мы наварим пятьдесят чистыми.

Том насупился:

– Все равно – это против правил.

– Ты что, хочешь, чтобы ее визит повторился?

– Нет!

– Действуй. Ничего не нарушишь – ничего не достигнешь.

Медведь и Том стоят у окна. За окном дождь. Он стекает по стеклу, делая очертания за окном дробящимся миражом.

– А ведь ты ее пожалел, Медведь.

– Пожалел? Наверное. Поменяла жизнь на дорогие погребушки. Ни любви, ни счастья.

– Да она просто стерва.

– Она просто несчастная тетка. Увязла, а времени что-то исправить уже не осталось. – Олег проводит по лицу ладонями, сейчас оно у него такое, как было после пробуждения: запавшие щеки, лихорадочно блестящие глаза. – Как мне все это надоело...

– Жизнь такая, чего ты хочешь...

– Я? Чего хочу я? – Медведь кивает в сторону мерцающих мониторов с графиками курса акций:

– Я хочу обрушить российский фондовый рынок. До грун-
та.

А потом – поднять.

– Ты бредишь, Олег.

– Разве?

Звучит зуммер мобильного. Гринев подносит телефон к уху. Фразы его скупы и абсолютно бесцветны.

– Мне это уже неинтересно. Нет, и встречаться незачем.

Том косится на Гринева:

– Ты идеалист, Олег. Слишком целеустремленный.

– Слишком?.. Как говаривал один сомнительный герой, в этом мире – ничто не слишком. А целеустремленный – это ты, Том.

– Все равно... Убить рынок... Это нереально.

– Любая идея становится реальностью, если этого кто-то действительно хочет.

Лицо Гринева отражается в стекле и видится жестким, будто высеченным из гранита.

* * *

Человек за столом откладывает резюме и внимательно рассматривает фото.

– Вы уверены в своем выборе?

– Да. Этот человек азартен и амбициозен.

– Но умен?

– Да. И потому двинет наш проект очень естественно, даже не подозревая об этом.

– И все-таки я хотел бы услышать подробности.

– Он игрок. А игроки не чувствуют реальные финансовые потоки.

– Это главное, что повлияло на ваш выбор?

– Все по совокупности. Недавно он... потерял родителей. И это сделало его незащищенным и уязвимым. И наконец, сами родители. Его отец некогда занимал посты.

– Где?

– В Министерстве финансов, Государственном банке СССР и Внешторгбанке.

Курировал значимые зарубежные проекты.

– Да? И что это нам дает?

– Нереализованный сыновний долг и жажда общественного служения.

– Нынешние молодые люди алчны. А то, о чем вы говорите, – полный анахронизм.

– Тем не менее это так. Над его психологическим портретом работали блестящие умы.

– Я опасаясь гениев. Они всегда непредсказуемы.

– Отнюдь. Нужно лишь создать каждому соответствующие условия. И эти моцарты будут сочинять ту музыку, какую хотим мы.

Губы человека за столом искривила усмешка. Но было не понять, чего в ней больше – брезгливости или превосход-

CTBa.

Глава 4

Зал фешенебельного частного ресторана в охотничьем клубе был в этот час совершенно пуст. У окна за столиком расположились двое. Первый, Борис Михайлович Чернов, старший партнер процветающей брокерской конторы «Икар консалтинг». По одежде и манерам его можно было бы принять за аристократа, если бы не неистребимый налет цинизма и несколько вычурной роскоши во всем. Впрочем, это сглаживалось миной добродушия и вальяжности; мужчина был респектабелен и ухожен, взгляд темных глаз под жесткими кустиками бровей внимателен, доброжелателен и малую толику ленив. Чернов с видимым удовольствием пережевывал кушанье, запивал бордо из прозрачного бокала, промакивал толстые сальные губы салфеткой. Откинувшись на стуле, взял с тарелочки принесенную официантом сигару, пока тот молчаливо забирал тарелки: у Чернова – почти пустую, у его спутника – совершенно нетронутую и оставил две толстостенные чашки дымящегося кофе. Тишина нарушалась только звяканьем приборов, словно в кабинете стоматолога. Наконец Чернов произнес:

– Сто миллионов долларов – хорошая сумма. – В голосе его, как и во взгляде, никаких эмоций: он просто констатировал факт. Добавил:

– Очень хорошая. – Губы его скривила саркастическая

усмешка, притом глаза остались совершенно холодными.

Собеседник Чернова – маленький, седой – придвинулся к столу:

– Хватит подбирать крошки, Борис. Такой случай предоставляется не каждому.

И не во всякой жизни. Это большой кусок.

– Такие куски порой в глотке застревают. Их в одиночку не едят.

– Борис, этот шанс упускать неразумно.

– Откуда дровишки, Савин?

– Товарищ Мазаев, помнишь его?

– Смутно.

– Хапнул он десять лет назад вполне весомо, увел в офшор, сам свалил, теперь хочет вернуться на российский рынок.

– Жаба заела?

– Ну. Там – проценты, здесь – реальные навары. Барыши. Мой Никитка деньги взялся обернуть по-чистому, только... Ты же понимаешь, Никита Николаевич Борзов и сами прокрутить такую сумму желают.

– Он решил через биржу?

– Это не он решил, это я ему подсказал. – Визави засмеялся кашляющим шакальным смехом. – Нужно же и мне свою копеечку заработать.

– Ты хочешь один процент?

– Я не алчен. Лимончик свежей зеленью... Умному доста-

точно. Только сразу по поступлении денег на ваши счета. А тебе, Борис, – все козыри на руки. С соточкой можно играть по-крупному. Продавишь слегка рынок, сыграешь в два конца...

– Это очень рискованная игра.

– Но и прибыль будет сумасшедшая!

– Я не люблю безумств. Да и Никита Николаевич Борзов весьма расчетливый человек, – ответил Чернов, чуть помедлив.

– И – азартный. Сейчас люди за семь процентов от такой суммы упираются, как сутулые кони! Если ты предложишь ему восемнадцать, он поведется. А сам сделаешь сорок.

– Это нереально.

– Отчего? Кинешь сначала стадо «быков», потом – выводок «медведей».

Кстати, у тебя же есть компаньон...

– Партнер. Медведь.

– По моим сведениям, это человек, способный на поступки. Не всегда просчитанные, но всегда эмоциональные. Никита Борзов такой же. – Савин снова мелко, неискренне рассмеялся.

– Они оба, что твой Медведь, что мой Никита, – бурые. На нерве. Пусть найдут друг друга. И поговорят. Борзов поведется. Ручаюсь.

Чернов промолчал. Веки его были прикрыты, и казалось, Борис Михайлович погружен в приятную послетрапезную

дрему, и только бегающие под набрякшими веками зрачки говорили, что мозг его работает скоро и точно, будто вычислительная машина.

– Кстати, этот твой Медведь... Я наблюдал его работу во время восточного кризиса. Он же ненормальный! Как он вообще у тебя занимается финансами?

– Он умный. И танцует под мою музыку.

– А если ему понравится другая?

– Пока плачу я.

– Резонно, – смиренно пожал плечами Савин. – Музыка заказывает тот, кто платит.

Чернов пыхнул сигарой, на мгновение скрылся, словно за дымовой завесой, вперил в Савина острый, испытующий взгляд:

– Послушай, Валентин Сергеевич, а почему ты сам ушел с биржи? Помнится, лет семь назад ты был очень удачлив.

– Я азартен. И по маленькой играть не привык. А большая игра... Она для меня слишком рискованна.

– Скорее – жизнь слишком коротка для такой игры.

* * *

Олег Гринев шел по коридору офиса уверенно, слегка раскачиваясь из стороны в сторону. Навстречу двигался – закованный в тройку полный пожилой господин, которого сопровождал охранник или советник – не разобрать: сухо-

щавый, средних лет человек. Пожилой господин проплывал мимо, как океанский лайнер, не удостоив Гринева взглядом; неприметный, наоборот, глянул быстро, цепко, словно отмечая уязвимые для разящего смертельного удара места.

Гринева вышел из здания; автомобиль, который он оставил на Сретенке, был уже на стоянке; за рулем застыл спокойный, лет сорока пяти, немного грузный водитель.

– Машину легко нашел, Иваныч? – спросил Олег.

– А то. Когда с тобой имеешь дело, нужно только разыскать место, где все «строго запрещается», – там и будет. Тебя, Федорович, через все запреты тащит, как того медведя на пасеку.

– Через рогатины?

– Покамест ты вроде обходишь.

Гринева кивнул, размышляя о чем-то своем.

– Далеко поедет, Федорович?

– Отдыхай, Иваныч. Я сам.

Водитель вышел, пристально посмотрел на Олега: лихорадочный блеск глаз, движения скупы, как у связанного воина, желающего освободиться от пут. И еще в нем чувствовалась ярость неутоленного действия. Гринева распахнул дверцу, едва не сдернув ее с петель.

– Полегче, Федорович, – проворчал водитель. Добавил смиренно, после паузы:

– А ты, вообще-то, уверен?..

– Уверен, – бросил Гринева, с поборота запустил двига-

тель и сорвался с места.

Из машины Гринев выбрался в центре, поднялся по ступенькам в устроенное наподобие мансарды кафе, подсел за столик к крупному лысеющему мужчине средних лет. Несмотря на полноту и высокий рост, человек этот словно состоял из бесчисленных шарниров; усидеть спокойно он не мог: во время разговора то блюдо двигал, то чашку с кофе, беспрестанно доставал платочек, промакал лоб и – снова начинал переставлять на столе приборы, бутылочку боржоми, стакан, ложечку, тубус с салфетками; мелкие монеты он то собирал горкой, то раскладывал в вedomом ему одному порядке.

– Доброе утро, Марк Захарович.

– Для меня давно уже рабочий полдень, милейший Олег Федорович. – Марк Захарович с шумом отхлебнул минералки и тут же начал промакать обильно выступившие капельки пота.

– Волка ноги кормят.

– Так то волка... – Марк Захарович вздохнул, выудил из сумки пухлую папку, положил перед Гриневым:

– Здесь вся отчетность по девяносто восьми предприятиям. И по тем шестнадцати, что вы отметили особо. Распечатка и три дискеты.

Гринев бегло просмотрел содержимое, отложил две бумаги, сшитые скоросшивателем, удивленно поднял брови:

– Это настоящие бумаги?

– Там у них прошлый век, никаких компьютеров, зато всю документацию делают в двух экземплярах. Один – перед вами. Как говаривал классик, рукописи не горят. Но – теряются.

– Товарищ Розен, это же не ваш стиль...

– Вам нравится?

– Выше всяких похвал. А что бы сказал товарищ Бендер?

– Он был романтик. Сейчас другие времена.

– Да вы философ, Марк.

– Отнюдь. Раз я делаю то, за что вы платите, – я делаю свой гешефт. Раз вы платите за то, что я делаю, вы хотите делать ваш гешефт. Разве кому-то в этой стране станет хуже, если двое ее граждан станут жить чуть-чуть лучше?

Гринев достал из дипломата объемистый конверт и передал визави. Марк Захарович цепко ухватил пакет пухлой кистью, сжал на секунду, словно пойманную рыбку, и опустил в сумку. В глазах его замельтешило беспокойство.

– Сумма оговоренная? – спросил он и снова покрылся потом.

– Проверьте, Марк Захарович. Деньги любят счет.

Тот прямо в сумке, не глядя, открыл конверт, его пухлые пальцы по-бухгалтерски, с непостижимой быстротой перебрали купюры. Он успел не только посчитать, но и нежно потереть некоторые из них. По лицу Марка Захаровича разлилось приятное умиротворение. Он откинулся на стуле, налил полный стакан минералки, выпил, отдуваясь, спросил как бы

между прочим:

– Олег Федорович, не надо ли данных по держателям пакетов акций?

– Ма-а-арк Захарович... Продавать тополиный пух в июне?.. Эта информация болтается сейчас в Интернете в свободном доступе.

– Да? – воздвиг бровки домиком Розен. – А я не знал.

– Да?

Олег уложил папки в кейс, улыбнулся:

– Вы все деньги на барышень-то не изводите...

– А что еще делать с деньгами? Копить? Копить деньги – все равно что их тратить, только без удовольствия. Пока живешь – надо жить, нет?

– Вы умный человек, Марк Захарович. Когда-нибудь станете мудрым.

– Вот тогда и буду копить.

* * *

Человек за столом опускает веки, устало массирует их подушечками пальцев.

– Вы в чем-то не уверены? – спрашивает его сидящий напротив.

– Во всем. Ставки очень высоки.

– Разве? Ставка всегда одна. Жизнь.

– Вот именно. А если ваш Гринев все-таки усомнится?

– Мы не оставим ему на это времени.

Глава 5

Борис Михайлович Чернов скучающе смотрел в монитор компьютера. Стол его был чист: только очень дорогая представительская ручка и закрытая папка. В углу кабинета – большие напольные часы.

– А-а-а, господин Гринев пожаловали... – протянул он, сощурившись, как только Олег появился в кабинете. – Кажется, в нашем учреждении ленч уже полчаса как завершился. – Чернов демонстративно вскинул запястье, посмотрел на циферблат очень дорогих часов. – Впрочем, в Лондоне как раз начало рабочего дня. Только клерки там дисциплинированнее. Вот Томас Иванович там вырос, он подтвердит.

Обращение к застывшему в дверях Тому по имени и отчеству в устах Чернова выглядело утонченным издевательством. Том лишь изобразил уголками рта вежливое подобие улыбки, не дождавшись указаний, неловко боднул головой пространство, что, видимо, означало поклон, и ретировался.

Гринев уселся на стул и только потом посмотрел на патрона. Произнес с расстановкой:

– Я не клерк.

– Наш Медведь сегодня не в духе. А почему, спрашивается? – Чернов вытянул руку, полюбовался стильным бриллиантом на безымянном пальце.

– Я не клерк, – так же монотонно повторил Гринев.

– Пардон – партнер, – чуть кривляясь, произнес Чернов. Открыл коробку, выбрал сигару, чиркнул спичкой, со вкусом раскурил, выпустил струйку дыма, по лицу его разлилась нега отеческого добросердечия.

– Чем мы заняты, Борис?

– Чем? У нас трудовые будни. Мы делаем деньги. На набитых зеленью мешках.

Они думают, что ухватили бога за бороду, а за ниточки-то дергаем мы – и зелень сыплется, сыплется... Не ленись, скирдуй. Или тебе не нужны деньги? – Улыбка Чернова сделалась откровенно ернической.

Гринев посмотрел сквозь полураскрытые жалюзи. «Трудовые будни». Похожие, отутюженные молодые люди, погруженные в напускную деловую озабоченность. Такие же деловые дамы. Мерцающие экраны мониторов. Заученные движения. Заученные повороты голов. Заученная улыбка секретарши, встретившейся с ним взглядом.

Искусственное освещение. Искусственная жизнь.

Он перевел взгляд на Бориса Чернова. Тот курил и смотрел на экран монитора. Может быть, это отблески мертвых цифр с экрана сыграли скверную шутку, но лицо Чернова выглядело странным в таком освещении: то ли перерумяненным, то ли перепудренным... Более всего Чернов сейчас напоминал восковую фигуру из музея мадам Тюссо, в которую прихотью декоратора был вставлен невидимый моторчик и невидимый же диктофон, из которого и доносились дежур-

ные фразы.

Впечатление было столь ярким, что Гринев даже потрянул головой. Нет, ничего не изменилось, напротив: в своем вычурно-дорогом одеянии Чернов действительно походил на манекен. Может, так было всегда, но со всей отчетливостью Гринев заметил это только теперь? Олег сидел потерянный, как ребенок, которого завлекли играть в чужую сказку. «Рекомендую вам подыскать другую профессию», – зазвучал в памяти голос немца-профессора.

– Ты похож на муляж, – неожиданно для себя вслух произнес Олег.

– Что? – Борис прищурился, посмотрел на Гринева, словно сквозь прорезь прицела.

– Ты похож на муляж. Из раскрашенного воска. Довольно скверно обряженный.

– Ты пьян?

– Хуже. Трезв. Абсолютно. Чем мы заняты, Борис? Ведь жизнь так и пройдет здесь, не оставив по себе ничего, кроме сожаления.

Чернов улыбнулся, снова обрел самоуверенно-снисходительный тон:

– Жизнь? Это игра такая. Сильные побеждают слабых, умные подчиняют сильных. Только и всего.

– А победу над всеми одерживают подлые. Те, что умеют предавать раньше.

Чернов устремил взгляд в пустоту, и глаза его словно на-

полнились ею: стали пустыми, как матовые пуговицы дорожного клубного пиджака.

– Зачем же так мрачно, Медвежонок? Жизнь проста. Это игра, покер. А побеждает тот, кто проигрывает меньше, а выигрывает больше. Только и всего.

Тот, кто напрочь лишен азарта.

– И воображения.

– Воображение – это и есть азарт, ставший привычкой. Человечек выдумывает себе идеал, зачарованным мотыльком летит на огонь, кажущийся ему центром мироздания, и – палит крылья. А огонек тот – всего-то копеечная свечка на бронзовом шандале, от которого прикуривают свои дешевые сигарки снедаемые страстью и тщеславием игроки. – Лицо Чернова ожесточилось и теперь сделалось похожим на личину каменного истукана. – Об этом никогда не стоит забывать.

Губы Чернова скривились в жесткой усмешке, он встал с удивительной для его комплекции легкостью и стал скоро мерить шагами кабинет. Слова его падали тяжело, как литые свинцовые пули:

– Я похож на муляж?! Сынок, свои комментарии можешь высказывать какой-нибудь девке; она, может, и восхитится: ах, какой разумный мальчик! А для меня ты – растяпа. Как говорят американцы – looser. Умничать в Германии тебя научили, а вот реально зарабатывать – нет.

Чернов опустил жалюзи, выдвинул ящик стола, достал пачку долларов, перетянутую резинкой, грациозным движе-

нием кисти двинул по поверхности стола в сторону Гринева.

– Может, это улучшит твоё настроение? Твой процент по игре на гагаринских акциях.

– И это – все?

– Мой дорогой младший партнер... Человек получает или те деньги, которых потребует, или те, на которые согласится. Ты – из вторых.

Глава 6

Лицо Гринева напряглось, он хотел было что-то сказать, но Чернов встал из-за стола, заходил по кабинету и снова заговорил – быстро, энергично, словно и не он пять минут назад сидел этаким полусонной мумией.

– Я похож на муляж?! А ты? На кого похож ты, Медведь? Я привожу барашков, с которых ты лениво стрижешь зеленую шерсть! Ты в порядке, у тебя есть деньги, у тебя есть досуг пофилософствовать, прицениться и оценить – свою жизнь, мою – с точки зрения вечности! Хар-о-ошая позиция! – Чернов хохотнул нервно:

– Я похож на муляж? Ты преувеличиваешь, сынок. До музея восковых фигур мне расти и расти. Я – так, подставка для муляжа. А ты – вообще вешалка. Крючок.

Чернов застыл посреди кабинета, направил на Гринева указательный палец, словно ствол пистолета:

– Ты наркоман! Ты приходишь сюда за дозой! Как в «Пиковой даме»? «Его состояние не позволяло ему рисковать необходимым в надежде приобрести излишнее, – а между тем он целые ночи просиживал за карточными столами и следовал с лихорадочным трепетом за различными оборотами игры». Ты как бруклинский бездомный бродяга, забредший случаем в китайский опиумный театр: сидишь, смотришь, а решиться никак не можешь! Вот и пребываешь – в

трепете и страхе! Ты хочешь грез, ты хочешь власти... — Чернов перестал ходить, остановился, подошел к столу Гринева, присел на краешек:

— Не так?

— Да не в этом дело, Борис! От этих толстопузых дядечек и истеричных тетечек меня уже мутит! Мне надоело заниматься мелочевкой. Полета хочу.

— Да? А сгореть не боишься?

— Я не мотылек.

— Ты думаешь, что умеешь летать, Медведь?

— Всегда стоит попробовать.

— У тебя есть идея?

— Есть. — Гринев помолчал. — Но нужны серьезные деньги. Чернов помедлил, произнес тихо:

— Деньги будут... Что за идея?

— Заводы. Второй эшелон.

Чернов скривился:

— На этом никто не играет.

— Именно потому, если вложить реальные деньги, и подъем будет реальный.

Какая сумма будет в нашем распоряжении?

— Сто миллионов долларов. Если ты предложишь клиенту хорошие условия.

На лице Гринева если и мелькнула растерянность, то лишь на долю секунды.

— Я готов предложить пятьдесят процентов в течение трех

месяцев. И даже раньше.

– Излагай свою идею. По-дро-бно.

Олег помолчал с полминуты, собрался, заговорил уверенно и четко:

– Средние предприятия. Их тысячи. И стоят они миллиарды. И – не стоят ничего. Потому что загружены на четверть или на треть мощностей. Оборудование ржавеет или развывается, квалифицированные рабочие...

– ...Спиваются. Лежалый товар. Туфта. Никому не нужен прошлогодний снег.

– Они заработают, Борис! Если руки приложить...

– Вот только давай без рукоприкладства!

– Я образно.

– Образно ты будешь клиента разводить. А мне – лучше конкретно. Как ты собираешься сделать полтинник подъема на ржавеющем секонд-хенде? Акции их стоят копейки.

– Пусть не стоят ничего. – Гринев вынул из папки лист бумаги, нарисовал график-чарт, подвинул к Чернову:

– Смотри! У меня все просчитано. Сначала мы слегка продадим рынок, здесь и здесь, потом – поведем вверх, подтянутся «быки», акции пойдут вверх, их начнут лопать большие киты, начнутся инвестиции, заводы заработают. Все логично.

– Инвестиции, говоришь? Выглядит заманчиво. Сколько получим мы?

– Триста процентов минимум.

Брови Чернова поползли вверх, на губах застыла саркастическая улыбка, но взгляд остался внимателен и серьезен.

– Ты сказал глупость, Медвежонок. Таких подъемов не было ни у кого со времен последнего кризиса.

– Если кризиса нет, его нужно создать. Управляемый кризис.

– Управляемый биржевой кризис? Ха. Проще развязать управляемую ядерную войну.

– Борис, я работаю над этим три года. У меня на руках все расчеты. Сейчас – самое время.

– Время... бремя... темя... стремя...

– Мы обернемся в два конца, Борис! Посмотри...

Поверх первого графика Гринев начертил еще несколько кривых и проставил цифры.

– Это приблизительная прикидка. Когда встреча с клиентом?

– Завтра. Ты готов будешь завтра изложить это клиенту?

– Да.

– Аргументированно? Убедительно? С реальными цифрами?

– Да. К утру я просчитаю все точно.

Чернов склонился над чартом, прошептал шелестяще, словно боясь спугнуть возможный фарт:

– А ведь на двести процентов вытянем.

– На триста, Борис.

Чернов затянул узел галстука, закаменел лицом:

– Клиенту предложишь двадцать пять процентов. На крайний случай – тридцать. Пятьдесят для него слишком много.

– У меня есть условие.

– Да?

– Я хочу равного партнерства.

– И как ты себе это представляешь?

– Пятьдесят на пятьдесят.

– Не зарывайся, Медведь. – Губы Чернова скривились. – То, что я имею, я зарабатывал годами. Клиенты мои, разводняки мои, и ты хочешь пятьдесят процентов? Ты хочешь половину!

– Это особый случай, Борис, и ты это знаешь.

– Триста процентов? В пополаме? – Губы его сложились в складку, живые глаза замерли. – Я подумаю.

– И деньги – в офшор. На корпоративный счет.

– Это тоже решим завтра. Но... разводить клиента будешь сам. Свои «веселые картинки» ему тоже продемонстрируй. Поручи девочкам, пусть сделают графики, кривые, изогнутые, пируэты и прочую мутотень. В цвете, в объеме, в перспективе.

Господин Борзов – человек яркий. А потому любит все цветное и блестящее.

Гринев ушел. Чернов некоторое время сидел недвижно, с остановившимся взглядом. Прошептал одними губами:

– Триста процентов... От соточки... Бред, конечно, но...

Снял трубку, набрал номер:

– Валериан? Это Чернов. Я хочу, чтобы ты подумал вот над чем... Второй эшелон. Акции. – Чернов замолчал, терпеливо слушая собеседника. Перебил:

– Ты не понял, Валериан. Я хочу знать об этом все. Жду тебя, – Чернов бросил взгляд на часы, – в шесть тридцать. Сегодня. – Борис Михайлович усмехнулся, видимо услышав очередные возражения консультанта, произнес жестко, по складам:

– Се-го-дня, Валериан. В этом мире завтра наступает не для всех.

* * *

Окна кабинета зашторены портьерами так плотно, что здесь никогда не наступает утро.

– Ну и как наши дела?

– Неспешно. В делах финансовых суета только вредит. Вы же знаете, на все нужно время. А время пока терпит.

– Оно терпит не всех. – Хозяин кабинета упер тяжелый немигающий взгляд в собеседника. – Я хочу, чтобы вы не забывали об этом.

Глава 7

В своей квартире Олег объявился к шести. Впрочем, это была не его квартира. Он снял ее пару лет назад: родительская опека его тяготила, да и у всякого молодого человека «слегка за тридцать» найдется чем занять себя вечерами, не беспокоя близких возвращениями под утро либо, наоборот, полуночным сидением у компьютера. А когда отца и мамы не стало... Он пытался жить дома, но там ему было совсем скверно: все вокруг осталось привычным, обыденным, но не хватало самого главного: чтобы кто-то побеспокоился о том, что ты куришь уже третью пачку сигарет, что меряешь шагами комнату, в которой не можешь найти себе места.

И Олег снова переехал на съемную, прихватив из дома лишь старого плюшевого медведя, тетради с записями и альбом с семейными фотографиями: самое ценное, что могло пропасть, заберись воры в ставшую нежилой квартиру. Вряд ли бы они позарились на эти вещи, но самому Олегу было с ними спокойнее.

В этой квартире, напоминающей скорее просторный рабочий кабинет с лежаком у стены, чем уютный Дом, единственным излишеством и украшением были развешанные по беленым стенам копии работ французских импрессионистов и шторы цвета спелой пшеницы: днем они делали жилище полным воздуха; по вечерам же оно словно превращалось в

уголок иного, нездешнего, не московского мира. А вот абажур над настольной лампой был старинным, в стиле купеческого барокко; сам стол размещался в углу, отгороженный ширмой; прямо над столом висела грифельная доска немецкой работы, где четким почерком было начертано мелом: «Если бумага разлинована – пиши поперек». Гринев подошел к столу, сел к компьютеру. Пододвинул к себе стопку листов с расчетами на полях. Если расчеты верны... А они – верны. Олег скорым росчерком провел кривую будущего биржевого падения, потом другую, глубже, потом третью – вершиной стремящуюся вверх.

Нет, усидеть он не мог. Он слишком долго сидел. Слишком долго. Олег открыл какой-то справочник, бросил, прошелся по комнате, выудил с книжной полки книгу, открыл наугад.

Вся жизнь – из встреч и расставаний, Из бесприютных ожиданий, Из несложившихся стихов...

Так и происходит, если ты не найдешь в себе силы на поступок – переменить время, место, жизнь – и выдумать для себя тот мир, в котором ты желаешь и царствовать, и править.

Олег посмотрел на часы. Время. Оно течет слишком медленно сегодня. Когда ты готов к действию, ничто так не раздражает, как необходимость ждать.

Олег открыл какой-то справочник, отбросил, пометался, встал на табурет, полез на антресоль. Книги, тетради, ру-

лоны хлынули с битком набитой антресоли разом; свернутые рулоны развернулись, на них – цветные графики-чарты, многочисленные пометки фломастерами и надписи на полях: «Гонконгский кризис», «Черный» вторник, Россия", «Дефолт, Россия», – «Дальневосточный кризис».

«Кризис США – Япония», «Нефтяной кризис»... Графиков было много, на них – все кризисы в стране и в мире за минувшее десятилетие. Олег разложил их по полу, замер, словно полководец над картами сражений. Поднял отсутствующий взгляд.

Вместе с бумагами выпал семейный альбом с фотографиями; они лежали между страницами кое-как и теперь рассыпались веером. Олег устроился на полу, перебирая черно-белые снимки. Его родители, совсем молодые, а вот – в компании друзей, вот – на фоне строительства какого-то промышленного гиганта... Словно история страны в фотографиях: снимки были расположены бессистемно, но что-то большое, значимое виделось в них Олегу... Первомайская демонстрация, Олег здесь маленький, в спортивной шапочке, рядом с родителями, его ладошка в ладони отца... А это кто? Ну да, старик, которого он встретил в метро. Здесь он статен и молод, как и родители. Все было, и все прошло. Вместе со временем.

– Забота у нас такая, забота наша простая, жила бы страна родная... И снег, и ветер, и звезд ночной полет... – напел тихонько Олег, повторил почти шепотом:

– Полет.

...Комната, кажется, вся наполнена светом. Отец Олега – словно добрый великан, он подхватывает пятилетнего сына на руки, подбрасывает, ловит, снова подбрасывает, к самому-самому небу, а мама стоит у двери, молодая и совсем-совсем домашняя, и делает вид, что сердится, а полет все выше, смех маленького Олега громче... И вот он – словно летит, и небо спешит ему навстречу перьями облаков...

...Огромный желто-матовый шар несется прямо на Гринева по зеленому полю, похожему на поле для гольфа. Олег едва уворачивается и видит, как шар закатывается в огромную лузу. Он – словно Гулливер среди великанов, на огромном бильярдном поле, по которому с невероятной скоростью несутся шары. Слышен грохот ударов кия, сопровождающийся эхом. Теперь Олег видит у кромки стола Чернова и профессора-немца; они говорят между собой на незнакомом языке, слова их слышатся эхом, как слова исполинов; внезапно Чернов замечает одиноко стоящего на зеленом поле Гринева, указывает на него длинным пальцем, хохочет:

«Пропаций!» Ему вторит профессор-немец: «Финансами я ему заниматься не рекомендовал! Категорически не рекомендовал». Огромный шар летит прямо на Олега, настигает...

Вдруг – словно темнеет все разом, и навстречу несется черная, с хлопьями снега, тьма; лучи света пронизывают ее, но вязнут в ее холоде... Слышен скрежет раздираемого ме-

талла, и – вспенившийся снег, клубящийся в холодном неоновом свете фар, будто пух отлетевших ангелов...

...Олег проснулся и осознал, что лежит на кушетке. Спирной к стене, подтянув колени к животу. Как он ложился и как уснул – Олег не вспомнил.

Встал, собрал фотографии, задержался взглядом на одном из снимков.

Плоскогорье, двое усталых ребят в запыленных песчанках и с автоматами.

«Друзья? А у тебя они есть?» – вспомнил Олег слова незнакомки. Подошел к телефону, набрал номер.

– К сожалению, вы меня не застали. Оставьте, пожалуйста, свое сообщение после звукового сигнала... Гринев набрал другой. Длинные гудки тянулись, как телеграфные провода.

Олег ни о чем не думал – просто рассматривал узоры, расчерчиваемые каплями на оконном стекле.

– Я слушаю. – Женский голос был весел и мелодичен.

– Марина, это Олег Гринев.

– Гринев, как неромантично. А заинтриговать? Сказать, что это принц Гамлет? А впрочем... Я узнала. Так что богатым тебе, Гринев, не быть. Ты хочешь быть богатым?

– Я хочу приехать к тебе.

В трубке повисло молчание.

– Марина?

– Я думаю, хочу ли этого я. Приезжай.

Олегу показалось, что он даже увидел, как она передернула плечиками.

– Но через три часа у меня randevu.

– Я буду раньше.

Олег спустился, сел в автомобиль. Зачем он к ней едет? Чтобы... Чтобы – что? Не оставаться одному?

Олег отжал сцепление и дал газ. Автомобиль сорвался с места под сотку.

Глава 8

...Он несся по шоссе как ветер. Вот только дорога была другая – ночная, летняя, пустынная. После дождя похолодало, пал туман. Свет фар встречных машин дробился в капельках влаги радужным мерцанием, пока они проносились мимо бесплотными тенями, лее вокруг высился сплошной темной стеной... Олегу даже показалось на миг, что машина взлетела над дорогой, что ночные восходящие потоки остывающей земли подхватили его, вознесли и повлекли все выше, над черным редким лесом, туда, за облака, к звездам... Олег почувствовал, что засыпает, чуть пригасил скорость. Теперь лес поплыл за окнами, словно медленно сменяющиеся театральные декорации.

Дальний свет приближающегося автомобиля был неоновым-нежным. Кто-то шел за сотку и плевать хотел и на морозящий дождь, и на ирреальность сущего...

Дорога пошла под уклон, да еще и поворот; водитель сзади и не думал притормаживать – машину поволокло вперед и вниз, в какой-то момент она заскользила по мокрому шоссе, как мелок по намыленной доске, ударилась о крыло автомобиля Гринева, развернулась кокетливо и ухнула кормой в неглубокий кювет, устремив немигающий взор неоновых фар в низкое небо.

Олег притормозил, спустился, скользя, по мокрому скло-

ну с явным желанием съездить горе-водителю по шее, но дверца распахнулась, показались длинные голые ноги, а потом – и сама их обладательница, девушка с наивным взглядом ясных глаз и волосами, каскадом струящимися по плечам.

Лицо Олега Гринева очаровательно поглупело.

– Ясные светлые глаза вижу я в сиянье дня... – пропел он и протянул девушке руку.

Девушка вложила перепачканную узкую ладошку в его ладонь, произнесла, скривив хорошенький ротик:

– Каналья! – Голос у нее оказался хриплый.

– Ты кто, милая барышня?

– Тебе какая разница?

– Дурное любопытство. – Олег слегка разозлился. – Сначала ты своей рухлядью таранишь приличное авто, потом ругаешься по-пиратски, как в плохом сериале...

– Сигарета есть?

– В машине.

Когда взбирались по откосу, девушка едва не упала, Олег обхватил ее за талию и услышал немедленно:

– Полегче, медведь! Лапы убери!

И только тут Олег заметил, что она здорово набралась. Гринев подал ей пачку, зажигалку, рассмотрел вмятину вдоль борта.

– Ну что, скажешь теперь, я тебе по жизни должна?

– Тебя до города подкинуть?

– А моя машина?

– Она и до этого полета стоила сотен семь... на блошином рынке. А теперь...

– А сколько, по-твоему, стою я? – Девушка приняла вызывающую позу уличной проститутки; свет фар пронизывал ее легкое платье.

– Сто баксов, – жестко ответил Олег и поморщился: его покорило вызывающее поведение девушки.

– Все мужики – дерьмо. Особенно те, что ездят на таких вот тачках. – Девушка взглянула на него:

– Еще не раздумал меня подвозить?

– Садись. – Олег распахнул дверцу, сам вытащил мобильник и сказал в него несколько слов. – За твоей колымагой приедут. Куда ее доставить?

– На Соколова. Там автостоянка.

Девушка удобно устроилась на сиденье рядом с водителем, откинулась, демонстрируя свои длинные ноги, но получилось это у нее естественно.

Бесцеремонно открыла бардачок, вытащила плоскую бутылку «Хеннесси», произнесла утверждающе:

– Я угощусь, плейбой? Для снятия стресса? – Отвинтила крышку, хищно втянула ноздрями:

– Божественный аромат! – Сделала несколько глотков, опустила бутылку себе на колени.

– Я не плейбой.

– Но и не бандит. «Страшные лесные разбойники» пред-

почитают другие тачки.

– Девушка помолчала, добавила мстительно:

– Достойные мужчин. Эта дорогая погребушка не для наших дорог.

– Сейчас увидим.

Музыка сделалась ритмичной, и ритм ее был неукротим. Автомобиль понесся с нарастающей скоростью, и то ощущение полета, что было вначале, захватило, спеленало абсолютно, подчиняя себе волю. Олег свернул с наезженной колеи на грунтовку, из-под днища полетели искры от ударов щебня, какие-то то ли ангары, то ли цеха надвигались в свете фар желтыми ночными громадами и – исчезали в вихревой скорости. Показались огни города. Олег чуть сбросил скорость.

Девушка отхлебнула еще из горлышка, закатилась смехом:

– А ты – ничего, забавный. Развлекаешься, что ли? Катаешься?

– Езжу.

– Ты не едешь, ты мчишься. Шею свернуть не боишься?

– А ты?

– Я – пьяная. С меня и спрос невелик. – Добавила безо всякого перехода:

– Гуляли на даче у одного оч-ч-чень модного художника. Сам он безобиден, как ракушка от устрицы, но народ к нему наехал наглый. Не становиться же матраской для полудюжины жаждущих «комиссарского тела»... Пришлось бедной де-

вушке прыгать за баранку, трезветь было некогда. Меня зовут Марина, – безо всякого перехода закончила она. – Что значит – морская. А как тебя величать?

– Медведем.

– Вообще-то похож. Большой. Только... очень мечтательный.

– Да?

– Мечтатели жизнь заменяют иллюзиями.

– Это плохо?

– Хорошо. Потому что жизнь без иллюзий – просто театр марионеток. Не замечал?

– Время от времени.

– Потому что все ото всех зависят. Каждый у кого-то на ниточке. На крючке.

И каждый – как одинокая рыбка в пустом аквариуме. Знаешь, такие круглые, без водорослей, в каких плавают вуалехвостка. Вот я – как раз такая.

– Украшаешь офис?

– Не вполне. Украшаю жизнь. Коллекциями людей, которые полагают себя чем-то с чем-то. Кто – бутербродом с икрой, кто – молоком с медом, кто – Наполеоном с войском. Забавно.

– Но грустно.

– Еще как грустно. А знаешь... ты на странника похож.

– Почему?

– Так. Похож, и все. Откуда ушел – уже не помнишь, куда

придешь – еще не знаешь. И вернуться некуда.

– Ты умная.

– Да, я умная. Но недостаточно умна, чтобы это скрывать.

Я – модель.

Глава 9

– Работаешь на подиуме? – спросил Олег.

– Нет. – Марина прикурила сигарету, выдохнула:

– Для этого я не доросла. В прямом смысле. А знаешь, во времена империи подиумом назывались специальные места в античных цирках для высокопоставленных зрителей: оттуда они могли безопасно наблюдать, как люди убивают и умирают им на потеху. – Девушка улыбнулась невесело, вздохнула:

– Мир с той поры изменился мало. – Помолчала, добавила:

– Нет, к подиуму я не имею отношения. Скорее к искусству. Искусство, чувствуешь, слово какое? Искусение сотворения собственного мира... Или – мирка.

Вот в этом мирке я и тусуюсь. Выставки, презентации, фуршеты... Где передвигаются раскрашенные куклы и куклессы и рассуждают о чем-то для них важном. И я тоже – передвигаюсь, рассуждаю, функционирую... Иногда пишу опус на непонятно-искусствоведческую тему и отправляю в непонятный немецкий или шведский журнал. Они хорошо платят. Да. Я – модель. – Девушка отхлебнула еще из бутылки:

– Самое противное, что сама я никого не интересую. Интересует мое тело, интересуют статьи, но такие, в которых

нет мысли... Этот мир не терпит несоответствия себе, мертвому. Его волнует только собственное тщеславие. Вот я и имитирую... – Девушка задумалась, собрав лоб морщинками, выдохнула смешком:

– Этот... самолет. Знаешь, в детстве такие пацаны крутили, на веревочках. И губами так делали: «Ж-ж-ж-ж-ж-ж-ж». Вот и я – жужжу, а летать не летаю. А так хочется полета! – Девушка помолчала. – Я сильно сегодня напилась. – Спросила вдруг безо всякого перехода:

– Ты жил когда-нибудь в маленьких городках?

– Бывал.

– Не путай экскурсию с эмиграцией. Побывать в любом таком пару часиков – даже экзотика, а жить... Словно под водой мутной. Кругом грязь, парни пьяные и грубые, нищета... Помнишь Ван-Гога, «Едоки картофеля»? У людей истощенно-алчные лица, они сидят за столом, картошку уминают, желто-грязно все, и все – голодные... Вот это и есть наш городок теперь, если в миниатюре. – Девушка зябко передернула плечами. – Вот я и ринулась в Москву. Знаешь, почему мы все попадаемся? Кругом серо, убого, люди экономят на всем, заняты мелкой склокой, привычно-изматывающей, как головная боль... А в телевизоре – цветно! И мальчишки-одуванчики эти, Иванушки-Аленушки: все они чистенькие, с белыми зубками, веселые... И мир в телевизоре – цветной. Людям мишурная позолота нравится куда больше золота: она праздничней. И все мы хотим праздника. Всегда.

И получаем пустоту. Бутафорский мир не терпит дневного света, и если сны хоть остаются в памяти – есть в них что-то волшебное, – то все остальное просто пропадает, стоит лишь кнопку на пульте надавить.

– Каждый жизнь себе выбирает сам.

– Вот уж нет. Это смерть каждый сам себе выбирает, вольно или подсознательно. А жизнь... Она кому-то удастся, а кому-то нет. Так бывает.

Москва... Сначала она мне таким вот цветным праздником и показалась. Даже очарована была; мальчики на иномарках, спортивные комплексы, ночные клубы. Как бы не так. В любой клуб или казино днем зайти: размалеванная бестолочь, эти венки-цветики, эти портьерки под бархат или стойки хромированные... Посетители словно похоронили уж свои жизни и здесь – поминки по себе справляют, веселье так, с музычкой, как принято. Модели. «Ж-ж-ж-жжжж». А знаешь, что самое страшное? Никого мне уже не жалко по-настоящему. И ничего не хочется. Ни-че-го.

Раньше думала, денег соберу, квартиру куплю, заживу... Купила. И – как в камере-одиночке. Все эти ночные погребальные клубы и прочие увеселения... Они – наркотик. Ведь умом понимаю – мельтешня, после только маета пустая в душе остается, и люди там – куклы раскрашенные, а где других взять? К «едокам картофеля» я не вернусь. Вот и получается. Мне двадцать восемь. И я ничего уже не хочу. Ничего. – Девушка улыбнулась, но очень неуверенно. – Так что я тоже

странник. И не знаю, что хочу найти.

– Мужчину, – спокойно произнес Олег. Глаза Марины стали глубокими, цвета моря.

– Ты прав. Мужчину. Который бы был достоин любви. Я полюбила бы его, честное слово. Вот только мужчин вокруг не осталось.

– Может, не там ищешь?

– А ты разве в другой жизни живешь? Оглянись! Маскарад – кругом. Вот ты появился из ночи и умчишься туда, странник. Я проснусь завтра и – то ли ты был, то ли тебя не было. Не жизнь – сплошное метро. Что-то мелькает за стеклами, люди появляются, пропадают, и никого и ничто нельзя остановить ни на миг, даже если этот миг покажется тебе очень-очень важным. А жаль.

Ночной город зиял пустотой улиц и казался особенно огромным. Освещены были лишь дороги, но редкие люминесцентные фонари словно окутала влажная бахрома тумана, и в этом свете дома лишь едва-едва выступали из окружающей тьмы тусклыми прямоугольниками желтых окон. В каждом доме горело одно-два, не больше, остальные лишь отражали вялый, увязший в тумане фонарный свет.

– Знаешь, когда я была маленькая, мне всегда было непонятно, куда деваются люди ночью. Неужели так и спят в коробках-домах? Этого просто не могло быть. Я знала, взрослые нарочно укладывают детей, а сами – уезжают на карнавалы, беззаботно веселятся на площадях, смотрят красивые

фейрверки, танцуют, и жизнь у них совсем не такая унылая, как днем. А теперь выясняется – они просто спят друг с другом. Или просто пьют. И жизнь тлеет в ночи так же скучно, только еще и темно. Притормози у того ресторанчика, странник, я сойду. Там светло. В пустой дом мне совсем не хочется. – Девушка улыбнулась, сдерживая слезы:

– Может, сегодня мне повезет?

– Не отчаивайся. Тебе повезет. Девушка вышла из машины:

– Прощай, странник. Ты добрый, а что толку? Пойти тебе тоже некуда. А все-таки... Так хочется полета! А еще больше – тепла.

– Ты верь. Тогда – сбудется.

– Я верю. – Марина улыбнулась печально. – Ведь по ощущениям полет от падения – неотличим.

Олег снова помчался в ночь. Позади осталась одинокая девичья фигурка у островка света. Вокруг – те же темные дома, безлично глядящие окнами-зеркалами в ночь. Поворот. Еще поворот. Он снова оказался у того же кафе, но девушки не увидел.

Подъехал, вышел, беспокойно огляделся и наконец заметил ее: она сидела на корточках у одного из столиков и кормила из блюдечка черного котенка. Олег подошел. Марина подняла голову.

– А, это ты, Медведь. Как мило, – произнесла она, но в голосе не было ни радости, ни удивления. А что было? Олег

так и не понял.

– И все-таки я подвезу тебя домой.

– Вместе с котенком, ладно? Он – моя находка. – Он тебе нужен?

– Он такой же, как я. И как ты. Никому не нужный. Да еще и черный. Без меня он точно пропадет. Да и очень хочется, чтобы дома меня кто-то ждал.

Глава 10

Автомобиль остановился у шестнадцатизэтажного дома. Олег поднялся на лифте, нажал звонок. Марина распахнула дверь, даже не спросив кто и не глянув в глазок. Она была укутана в длинное белое кимоно, изукрашенное по вороту черными ироглифами.

– Это ты, Медведь. Проходи. Если хочешь кофе – кофеварка на столе. У меня совсем мало времени: мне нужно сделать лицо.

– Снова рауты?

– Гринеv, не нагнетай. Была бы я богатой тетей, коллекционировала бы фарфоровых кукол. А так я коллекционирую живых. Тоже увлекательно. Светская хроника называется.

Олег поворошил несколько глянцеvых журналов, отложил, закурил сигарету, налил себе чашку кофе, отхлебнул.

– Ну что ты маешься? Говори. – Марина, сидя перед зеркалом, неторопливо накладывала тени на веко.

– Я тебе не мешаю?

– Мне? По-моему, себе ты мешаешь куда больше.

– Думаешь?

– В тебе столько силы, а ты загоняешь ее, словно в вулкан и...

– Одна незнакомка назвала это одержимостью.

– Вот это и плохо. Вернее... ты ни о чем думать не можешь,

кроме своих цифр и курсов акций! Даже хуже – ты не думаешь о них, ты в них живешь! Они застят тебе мир, людей, всех вместе и каждого в отдельности! А уж меня – и подавно!

– Марина, я же тебе говорил...

– Угу. Ты решил стать великим. И покорить мир. Браво. – Девушка несколько раз отчетливо хлопнула в ладоши. – Браво. Только..., не верю я в этот мир.

– Другого нет.

– Есть. Чуть-чуть западнее нашей границы и немного южнее. Пусть он такой же искусственный, как и этот, но там комфортнее. Если не складывается счастье, стоит получить хотя бы комфорт. Не так мало. А ты – покоряй все, что хочешь.

– Ты в меня не веришь.

– Я верю в здравый смысл. В тебе его не много.

– Да ничего я не желаю покорять, просто помочь...

– Кому?

– Людям.

– Кто-то просил твоей помощи, Медведь? Куда ты ломишься? Людям наплевать на всех вместе и на каждого в отдельности! На всех, кроме себя самих!

– Тебе тоже?

– Мне тоже. И тебе. Давай быть честными, Гринев.

– Кому нужна честность, если от нее холодно?

Марина лишь пожала плечами, плотнее запахнулась в халат, отвернулась отчужденно.

Олег покачал головой, произнес нараспев, стараясь, чтобы вышло шутливо:

– Твой кукольный мир бросил на тебя черную-черную тень, когда ты шла по черному-черному коридору черной-черной фотостудии...

– Прекрати, Гринев! Это выглядит совсем не смешно и очень глупо!

Олег присел на подлокотник кресла. Закурил.

– Не нужно было тебе приходить.

– Все как-то очень не правильно... – произнес Олег тихо.

– А что правильно, что?! Вот мы встречались с тобой, встречались – каждый сам по себе, особенно ты! Как два шарика надувных – трах! – и разбежались по своим делам! – Марина помолчала, одним движением загасила сигарету:

– А каждая баба, Медведь, заметь, каждая, хочет замуж, детей и – ходить и глазеть на витрины!

– Марина....

– погоди, Медведь, ты умный, ты пойми! Любовь – это полная незащитность.

И перед тем, кого любишь, и перед миром! – Девушка снова вздохнула, на этот раз горько. – Вот этого я позволить себе не могу.

– Разве я слаб?

– Твоя сила пустая! Вот ты пришел ко мне, и – что? Чего ты здесь ищешь?

Любви? Понимания? Утешения? Да ты и сам не знаешь!

А я – не знаю, как сказать... Ты... тебе... Разве тебе есть дело до меня?

– Марина...

– Ты хочешь что-то доказать – себе или миру – так доказывай! При чем здесь я?!

– Мужик без своего дела – так, оболочка.

– При чем здесь я?! – ожесточенно повторила Марина. За-молчала, произнесла устало:

– Найди свое дело, Гринев, но, пожалуйста, не приходи! Совсем не приходи!

Некоторое время Олег сидел молча.

– Мне казалось...

– Тебе это зря казалось, Гринев! Тебе нужно стать миллиардером – может, тогда ты успокоишься и с тобой можно будет хоть о чем-то говорить! Уходи!

– Спасибо за кофе. Пока.

– Только не будь таким разнесчастным, Медведь!

Олег кивнул. Дверь за ним закрылась. Марина смотрела на расплывающийся дерматин обивки, пока не поняла, что плачет.

Автомобиль летел по вечерней Москве. Зеркальные стекла маркетов. Ночные клубы. Вечерняя публика на улице – словно парад теней, исчезающих при дневном свете. Зал дорогого ресторана. Лица. Вот – дама полусвета услужливо улыбается несмешной шутке необхватного кавалера, успевает кокетливо ответить на взгляд Гринева и – отправить в рот

кусочек розовой лососины да еще и помаду тут же краешком пальца подправить и – снова смеется глупостям, которые говорит ее явно захмелевший спутник. Вот – женщина далеко за сорок, с угрюмым, угловатым лицом постаревшей пантеры. Она довольствуется шпинатом и чаем в пиале. Успевает говорить по крохотному мобильнику. Отдает приказания. Вот – компания братков; одеты дорого, но все – словно в униформу. Лица – у одних тупые, потекшие от выпитого, у других – жесткие и настороженные... Завороженные лица девушек...

Игровой стол, где карты выпархивают из рук крупье, словно мотыльки, готовые сгореть в этой ночи... Олег азартно бросает фишки то на один номер, то на другой... Вдруг пойманный взгляд, ясный, острый как стилет, полный то ли отчаяния, то ли приказа, то ли тайного знания – чужой судьбы или своей?..

Колесо рулетки, шарик огибает ее всю... Ночная Москва, по которой Олег мчит на автомобиле, и его лицо зеркально сливается с витринами, иллюминацией ночных клубов, с фарами машин – и догоняющих и встречных...

* * *

- Что наш Медведь?
- Мечется. Это от амбиций.
- Голову он себе не свернет... раньше времени?

- Он для этого слишком умен.
- Умен?
- Да. Умен и безрассуден.
- Взрывное сочетание.
- Такое, как нам нужно.

Глава 11

Автомобиль Гринева остановил инспектор, Олег припарковался к обочине, развел руками, отдал инспектору деньги, захлопнул дверцу и пошел прочь.

Инспектор рассмотрел купюры, сказал напарнику:

– Купец Копейкин гуляют. Что с тачкой его делать?

– Да пусть здесь стоит. Припаркована аккуратно. За такие бабульки он ее у стены Кремля мог поставить.

– А то.

Гринева остановился у станции метро. «Друзья? А у тебя они есть?» Вынул из кармана мобильный, набрал номер:

– Леший, это Медведь. Ты где? На даче? На старой? Я к тебе приеду. Я помню, электричкой. Да я ходил однажды. Через поселок и краем леса. Семь верст буреломами. Дойду.

...Вагон электрички был освещен желто. Лица у людей – усталые, равнодушные, озабоченные. В проходе мнимый нищий: «Мы сами не местные, отстали от поезда, помогите чем сможете...»

Напротив Гринева оказалась женщина лет тридцати, полная, в пуховом платке, из-под которого выбивались завитки волос. Рядом с ней девочка лет шести играла с куклой.

Электричка задами огибала какой-то поселок: пути, брошенные цистерны, непонятные домики из фанеры и жести, огородик, посередине которого разлита лужа солярки, мусор

– битое стекло, бутылки, пакеты; слепой домик врос в землю по самые окна, со двора дымок вьется, живут там... Торцевая стена красного кирпича и снова – свалка.

Девочка соскользнула со скамейки, дернула Гринева за полу:

– Дядя, куда ты все время смотришь? Это некрасивый город. Очень некрасивый. – Девочка махнула рукой совсем по-женски, как сделала бы ее мама или бабушка, произнесла:

– Он поломанный.

Лицо Гринева на миг стало совсем странным, словно то, над чем он думал так долго и напряженно, наконец-то обрело смысл. Он присел перед ребенком на корточки, вынул из кармана шоколадку, протянул девочке, улыбнулся мягко:

– Мы его починим, малышка.

Девочка бросила быстрый взгляд на мать, стесняясь, взяла плиточку, сказала спасибо, забралась на сиденье и затихла.

Женщина посмотрела на Гринева странно... Что ему пришло в этом взгляде, он не понял – это был другой мир, мир потаенный, сокрытый, полный смирения, терпения и бесконечной надежды.

Олег вышел на станции и пошел через городок. Редкие фонари вдоль дороги светили скудно, и, может быть, оттого люди, встречавшиеся Гринеvu на пути, казались злыми и пугливыми одновременно. Какая-то семенящая женщина, похожая на старушонку, какой-то мужик, плотный, с маленькими глазками, подозрительно зыркнул на Олега и свернул

в проулок.

Настроение Гринева сделалось скверным. Он увидел огни маленькой забегаловки, вошел. За хромированной стойкой скучала молодая полногрудая деваха. Трое или четверо посетителей с пьяным безразличием дожевывали пиво.

Олег подошел к стойке, спросил водки.

Буфетчица оценивающе оглядела его фигуру, решила что-то про себя, выбрала лафитник почище, налила. Олег положил на стойку деньги, присел за ближайший пустой столик.

– А нездешний вы, молодой человек. Пришлый, – услышал Гринева из-за спины сипловатый густой баритон, обернулся. К нему подсел невысокий бородатый очкарик лет пятидесяти с гаком с лицом спившегося итээра. – Ищите чего-то?

– Себя, – произнес Олег машинально.

– Мудреная задача. В каждом из нас существуют по меньшей мере два человека. И они – непримиримы и своевольны. Но только один распоряжается твоей жизнью. Ему нужны деньги, успех, слава, женщины, вина... А другой... Другой – молчит.

Гринева пожал плечами:

– О чем же он молчит?

– О подвиге. О любви. О силе. О том, что силы этой в человеке столько, что он способен перевернуть мир! – Мужичок вздохнул. – А сейчас... Мир наш полон полуфабрика-

тов, которые так и не стали людьми. И в жизни они ищут не подвига, а комфорта, который им представляется покоем. И правит такой жизнью рок. Вначале он похож на незатейливого суетливого бесенка, он изводит тщеславием, похотью, завистью, он дергает невидимые нити наших страстишек и заставляет плясать под свою музыку в этом глумливом балагане... И – дает иллюзию счастья, называемую довольством... И только потом человек может разглядеть его мерзкую харю – харю лжеца... Но поздно. Жизнь уже прошла. Прошла бездарно и мнимо, и впереди – ничего. – Мужичок уставил немигающий взгляд на Олега:

– Человеку дар дан, чтобы сотворить чудо, а он его не пойми на что разбазаривает... Как в Писании? «При всем этом они продолжали грешить и не верили чудесам Его. И погубил дни их в суете и лета их в смятении». – Мужичок вздохнул, попросил:

– Угости меня выпивкой, странник.

Олег подошел к стойке, взял бутылку, тарелку со снедью, вернулся. Мужчина заметно приободрился.

– Меня Константином Гуровым зовут. Местные так и называют – Гуру.

Словоблуден и непонятен. А как тебя величать, странник?

– Медведем.

– Ну и за знакомство.

Олег едва пригубил, Гуров накатил почти полный стакан, раздумчиво разжевал корочку:

– Медведь... Ну да, нездешний ты. Забрел к нам откуда-то и уйдешь в никуда. Есть в тебе какая-то одержимость. Но чтоб стать непобедимым, тебе нужно найти любовь.

– Любовь?

– Всю жизнь мы ищем любви, потому что боимся немо-
щи. Даже не смерти, нет, немощи, когда одинокая, загнанная
душа окажется в дряхлой оболочке... Мы ищем ту женщину,
которая будет любить того, скрытого в нас, кажущегося сла-
бым. Ведь слабость – обратная сторона силы, и мы ищем
женщину, которая сможет это понять. И простить.

Гуров плеснул себе еще, выпил, поморщился.

– Мне пора, – сказал Гринев.

– Пора? – поднял помутневший взгляд Гуров. – Пора –
чего? Любви, доблести, угасания?

– Идти.

– Ты счастлив, странник. Тебе есть куда пойти.

– Это и называется счастьем?

– Да. Просто сейчас ты еще не знаешь об этом.

От выпитого Гуров затосковал тяжело и глухо, понуро
опустил голову на руки.

– Пойду, – сказал Олег.

– Удачи тебе. Мир жесток к смелым.

Олег пошел пустой улицей вдоль тянувшегося бетонно-
го забора; поверху – проржавевшая колючка. Увидел про-
вал, прошел, побрел по территории завода. В темноте видны
были решетчатые, без стекол, ребра пустых цехов-ангаров,

из-под снега торчали полуржавые остовы каких-то механизмов; Гринев перешагнул бурый ручеек, влажно и маслянисто переливавшийся в неверном свете дальних фонарей, и пошел по тропке вверх.

Глава 12

Оказавшись перед воротами небольшого особняка, Олег некоторое время помедлил, примерился и – разом перемахнул чугунную ограду и направился к дому.

В тот же момент вспыхнули галогенные лампы, заливая пространство неживым люминесцентным светом.

Когда Олег подошел к двери, у порога уже стоял высокий и широкоплечий мужчина и улыбался визитеру.

– Медведь-то ты медведь, а скачешь, как леопард.

Они пожали руки и прошли в дом.

– Леша, это и есть старая дачка? – спросил Олег.

– А то.

– Что в гараже?

– «Мерседес».

– Служебный?

– Свой.

– Растут люди. А ты раздобрел, Леший.

– Скорее раздался. Зато ты тощ, как дворовый кот.

– Порода такая. Ем мало, сплю еще меньше. Это в мою честь иллюминация?

– Сработали сенсорные датчики. Ты зачем через забор прыгал?

– Усомнился. Место вроде то, береза – тоже. А домик – другой. Решил убедиться.

– Убедился?

– Да.

Они прошли на второй этаж, устроились на просторном балконе. Стол был уже накрыт: коньяк, водка, холодные закуски.

– Когда тебя нет – охрана? – спросил Гринев.

– Нет.

– Значит, не пристрелили бы.

– Привычки детские забывать пора.

– Думаешь?

– Обидно словить пулю в Подмоскovie в мирное время.

– А оно мирное?

– Брось, Олег. Ты же финансист, а не философ.

– Финансы без философии не финансы, а просто деньги.

– Сильно сказано. Но глупо. Всем милее то, что в кошельке. Тебе нет?

– Смысл ищу.

– Жизни?

– Не меньше.

– Не поздно?

– Это – как умирать или жениться: никогда не поздно.

– Лучше второе.

– Кто бы спорил.

– Ну что? За встречу? Они разлили, выпили.

– Что не похвастался, Леший? – спросил Гринев, поведя рукой.

– Я скромный.

– Воздух здесь – хоть пей.

– Да. Когда-то это было глушью, а теперь... Дорогу подвели, был бы на машине, заметил. Ты по делу?

– Нет. Просто.

– Я, вообще-то, так и решил. А потом подумал – мало ли...

Все-таки давно не виделись.

– Очень давно. Ты поднялся.

– Одни люди падают, другие поднимаются. По второй? Они выпили. Повспоминали общих знакомых. Выпили по третьей. Поболтали о политике. Снова налили... И снова...

– Как-то странно себя чувствую, – признался Лешаков.

– С чего? Хороший дом, теплая ночь.

– Отвык общаться просто так. Совсем отвык. Умом понимаю: мы же знаем друг друга сто лет, и вообще... Пью и – не пьянею. Сверлом мысль: «Что ему от меня нужно?»

– Мне? Я же сказал: ничего.

– Я не о тебе, Олег. Я о привычке. И о времени. Оно меняет нас. И когда-нибудь изменит совсем. Общество свободных индивидуумов. Наверное, ты прав.

– В чем?

– В войне. Как сформулировал некогда Томас Гоббс: «Война всех против всех». А свобода – не что иное, как свобода подмять остальных.

– Может быть.

– Война... Она всегда за выживание. Если покатишься

вниз, можешь не остановиться.

– Кто знает, Леший, где верх, где низ? Может, в этом и есть вся прелесть?

– В падении?

– Я же медведь. Работаю на падение для будущего подъема. Да и, как сформулировала одна милая девушка... по ощущениям полет от падения неотличим.

Лешаков посмотрел на Олега пристально и очень внимательно.

– Я не пьян, – улыбнулся тот. – Но и не трезв.

– Вид у тебя шальной. Слово ты собираешься прыгнуть с вышки в бассейн без воды.

– Почти что.

– А воду нальют, когда научишься прыгать?

– Надеюсь, раньше. – Олег помолчал, произнес раздумчиво:

– Иногда это приходится делать. Прыгать или...

– Или?

– Имитировать прыжок.

Лешаков погрузнел:

– Вот это и плохо.

– Что именно?

– Мы не виделись черт-те сколько времени... Сидим, умничаем, а каждый думает о своем. И ладно бы дети, жена, семья. Нет. Бизнес.

Олег встал, прошелся по балкону-террасе, вдохнул насто-

янный сосновый аромат:

– Почти рай.

– Мне тоже нравится. Вот только... Мы сидим здесь, видим кусочек леса и – друг друга... И приходит мысль такая, что дух захватывает... А есть ли остальной мир? Или он – мираж?

– Ты в поселке давно не был, Леша?

– С детства.

– Жаль.

– Почему?

– Завод там был.

– Сейчас разве нет?

– Пустые цеха. Ребра ангаров. Свалка. Лешаков пожал плечами.

– Сейчас невыгодно производить. Сейчас выгодно торговать. Никому нет дела до цеховых развалин.

– Тебе тоже?

– Мне тоже.

– Плохо.

– Чтобы эту рухлядь поднять, нужно вложить... даже не знаю сколько. Пусть экономисты считают.

– Продавать проще?

– Проще.

– Понятно. Товары и услуги. Ты, кажется, на инженера учился?

– Мы все учились понемногу... Ты же знаешь, Медведь, у

меня охранный предприятие. Фирма.

– Которая веников не вяжет... А кого вяжет?

– Кого нужно, того и повяжем.

– Погоди, ты же был связист...

– Я и теперь он. Связи... куда без них? Что ты засмурнел, Медведь? Не Россию продаю. Ее без меня продали.

– Понятно. Услуги и... что еще?

– Олег, этот разговор «о птичках»... – Я не о птичках. Я о заводе. О людях. Об их детях.

– Ты все-таки пьян.

– Чуть-чуть.

– Я их на завод палкой не гнал.

– Просто им не повезло?

– Можно и так сказать.

– Нам с тобой повезло больше. Москва, родители по советским временам зажиточные и значимые...

– Да? А армия?

– Не знаю, как ты, а я дурак был. Хотел стать настоящим мужчиной.

– А я провалил первый экзамен. Вчистую. Я тебе рассказывал.

– Помню. Любовь. Безответная.

– Любовь всегда безответная, Гринев. Мы любим не женщину, а свое представление о ней. А с годами понимаешь... От баб – одни потери. После Эвелины ты, надеюсь, это осознал.

– Не вполне.

– Значит, все впереди, Медведь. Хотя мальчишкой ты давно не выглядишь.

– Всякому овощу – свое время.

– Если дадут созреть. Нет, ты не сбивай меня, Медведь. Вот ты говорил: родители, влияние... Как ты попал в Туркестан?

– Нарушал дисциплину. Характер такой.

– А я не нарушал. Но тоже попал. Разнарядка. План. Когда предки узнали – начали рвать и метать. А также звонить и перезванивать. Но – поздно. Я был уже далеко.

– И к чему ты это? «Мой адрес не дом и не улица, мой адрес – Советский Союз...» Система.

– Ты помнишь, что было потом?

– Подрались в части с туземцами.

– Это не драка была, Медведь. Быть московским пацаном и тогда и теперь... Нас очень не любят везде, Медведь.

– Были бы вместо нас рязанские или калужские – им бы тоже досталось. А вообще... Нам тогда просто повезло.

– Ты это называешь «повезло»?

– Да. Мы же отбились.

– А военная прокуратура, дело, угроза дисбата – это что? Тоже «повезло»?

– Конечно повезло. Мы же в него не попали.

– Зато попали в Афган. Под занавес.

– Очень повезло.

– Да?

– Мы – живы.

– Живы. – Леша задумался, вспоминая. Повторил:

– Живы.

Разлил. Они выпили молча.

– Вообще-то, жаль, что давно не виделись, – сказал Леша-ков. – Очень жаль.

Может, все как-нибудь и по-другому вышло...

– Что – все?

– Не знаю. Жизнь.

– Это – вряд ли.

– И все же вид у тебя совсем шалый. Ты что-то задумал?

– Не я один. – Олег помолчал, произнес медленно:

– Таких поселков и городков, как этот, в России тысячи.

По большому счету ты прав: здесь Москва рядом, люди худо-бедно, но устроились. Я хочу, чтобы люди жили достойно. Везде.

– Зачем тебе это?

– Хочу быть богатым.

– «Жить достойно». Звучит как лозунг. Уж если я чего и понял, так только то, что жить богато или счастливо заставить нельзя.

– Со счастьем – это кому как повезет.

– Но нам-то повезет?

– Нам повезет. Потому что мы этого хотим.

– Ладно, Олег. Давай по крайней накатим и – спать. Подъ-

ем завтра ранний.

Ляжешь в большой комнате, на кушетке.

Леший разлил:

– За что пьем? За падение?

– За полет.

Через пятнадцать минут Олег уже крепко спал. Ему снилось небо.

Глава 13

В конторе Олег появился к девяти: в безукоризненном костюме, белоснежной сорочке и при галстукe. Борис Михайлович Чернов сидел за своим столом и был сонно-невозмутим. Добавь его лицу умиротворение – вылитый бы Будда.

– Ты сегодня сияешь, – мельком глянув на Олега, произнес он. – Готов?

– Как юный пионер.

– Кратко. Наш клиент – Никита Николаевич Борзов. Жесток, жесток, думает быстро, решает еще быстрее, эмоционален. Так что – прояви таланты, Медвежонок.

Ты сам-то уверен в успехе?

– Да. Он разбирается в бирже?

– Он разбирается в людях. – На губах Бориса Михайловича мелькнуло подобие улыбки. – По крайней мере, он так думает. У него хороший советник – Савин Валентин Сергеевич.

– Я о нем слышал.

– Не говори: «самое хорошее».

– Он был удачлив на бирже.

– В нашем деле одной удачи мало.

– Но лучше, когда она есть.

– Соберись, Гринев. Сейчас ты должен сделать так, чтобы клиент просто летал! Ведь мы будем продавать ему воздух.

В комнате для переговоров расположились вчетвером: Никита Николаевич Борзов, молодой человек с умным, упрямым взглядом серых глаз, его помощник, Валентин Сергеевич Савин, Чернов и Гринев.

Гринев был скор, обаятелен, вдохновенен. Он жестикулировал, постоянно обращался к графикам, снова говорил – страстно и увлеченно. Валентин Сергеевич время от времени кивал и говорил несколько слов, размеренно поясняя патрону отдельные пассажи слишком эмоционального Гринева.

Борис Михайлович выбрал глубокое гостевое кресло и застыл недвижно, как обряженный монумент, лишь время от времени кивая – то ли поддерживая так беседу, то ли просто в такт своим собственным мыслям. Он казался лицом во все незаинтересованным, а его спокойствие словно возносило его над сделкой и тем – рождало уверенность в ее непременном успехе. Закончил Гринев просто:

– У меня все.

В комнате повисла пауза. Она продолжалась минуту-другую, пока напольные часы в углу не заскрежетали и не пробили получас. Борзов заговорил спокойно:

– Мне нравится ваш проект, Олег Федорович. Он изящен, эффектен и малую толику безумен. А потому имеет шанс на успех. Но... рисковать такими деньгами только под вексельное поручительство конторы...

– Вы же понимаете, Никита Николаевич, любая перестра-

ховочная компания потребует такие проценты, что...

– Я понимаю.

– К тому же это будет утечка. А в свете предстоящей игры...

– Возможной игры, господин Гринев. Пока только – возможной.

– Я готов подписать личное поручительство. Аваль.

Гринев пододвинул к себе вексель, расписался, передал Борзову. Савин подхватил его, словно падающий кленовый лист, на лету и упрятал в папку.

Наклонился к уху патрона и что-то горячо зашептал.

Борзов посмотрел в глаза Гриневу, произнес, приподняв уголки рта в оскале, весьма отдаленно напоминающем улыбку:

– У вас светлая голова, Олег Федорович. Будем считать ее надежной гарантией вложенного капитала.

Вынул из внутреннего кармана коллекционный «Паркер», подвинул к себе бумаги из папки, услужливо раскрытой Савиным, поставил размашистый росчерк.

– Деньги переведут сегодня на указанный вами счет. С чего думаете начать, Олег Федорович?

– Слухи.

– Ну что ж, разумно: слухи вещь куда более упорная, чем факты.

Утром следующего дня Гринев чувствовал себя как именинник. Приглашенный Том на мгновение округлил глаза

под толстыми линзами очков: галстук от Версаче совершенно не соответствовал деловому костюму Гринева, точно так же, как не соответствовал весь его вид – вид разудалой бесшабашности.

– Мы сегодня делаем что-то особенное... босс?

– Вот именно, Томас. Смотри сюда. – Гринев подвинул клерку несколько листов. – Биржа откроется ровно через пять минут, и ты начинаешь ме-е-едленно и аккуратно скупать акции вот этих предприятий. Сначала тех, что подчеркнуты красным, потом – желтенькие, потом – синенькие.

– А зеленые? – Том сделал пальцами характерное движение, словно перетирая новенькую купюру.

– Зеленые мы с тобой получим потом.

– В каких объемах скупаем?

– В предлагаемых. Но! – Гринев поднял вверх указательный палец.

– Помню. Оч-чень медленно и оч-чень аккуратно.

– Очень-очень-очень аккуратно.

– А все-таки, Олег, какими средствами мы...

– На счетах конторы сейчас где-то семь лимонов зелени.

Вот и работай пока этим.

– Пока?

– Да. Можешь слить деньги до копечки. До цента. Но чтобы через неделю, максимум полторы, мы имели весомые пакеты всей этой лабуды.

Том вытянулся шутливо:

– Яволь, герр оберет.

– Действуй.

Олег подошел к окну, напевая: «Бывает все на свете хорошо, в чем дело, сразу не поймешь...» Подошел к шкафу, сбросил официальный пиджак, надел другой, стильный и несколько вычурный, скорее подходящий человеку искусства, чем финансисту, открыл стол, вынул доллары, загодя разделенные на тонкие пачки, уложил каждую в конверт плотной бумаги и спрятал толстую стопу конвертов во внутренний карман.

Гринев вышел из конторы, легкомысленно болтая портфелем, словно прогуливающий второклассник.

– Далеко едем? – спросил несколько озадаченный водитель.

– Общаться с прессой.

– Не мое дело, Федорович, но только к прессе хорошо бы... посолиднее.

– Господа писаки народ творческий, но денежки любят. Я похож на финансиста?

– Да сейчас... не очень.

– Что и требовалось. А статьи заказывать надо. С человека денег наши неподкупные три шкуры снимут и уверят, что сделали ему одолжение. А с игрока что взять? Да еще выряженного таким Буратино? Только то, что предложит. И то – сразу, потому что потом денег у него не будет. Силен я в психологии?

– Время покажет.

Автомобиль припарковался в центре Москвы, у здания издательского холдинга.

Олег выудил из кармана закатанную в пластик карточку солидного издания, закрепил на лацкане и прошел мимо охраны к лифтам.

Кабинет был завален пачками бумаг. В кабинете располагалось три стола, но на месте оказалась только одна дама лет сорока с большущим хвостиком.

– Елена Станиславовна, как славно, что вы меня дождались, – обратился к ней Гринев.

Елена Станиславовна беспокойно погасила сигарету в пепельнице, подняла на Олега строгий взгляд:

– Что у вас?

– Обещанная сенсация. Вот бумаги по пятнадцати предприятиям. Их реальные балансовые отчеты. Кое-кто хочет их обанкротить...

– ...И прибрать к рукам?

– Гораздо хуже. Похоже, предприятия вообще собираются закрывать и демонтировать. Этот проект обсуждается в кулуарах, – Олег поднял взгляд к небесам, – пока очень глухо, но есть все основания полагать, что слухи не пустые.

Елена Станиславовна бегло просмотрела документы, нахмурилась, взглянула на Гринева, словно завуч на проштрафившегося ученика:

– А как же рабочие? Там же целые города!

Олег развел руками.

– Я с этим разберусь. Теперешнее правительство совершенно одиозно и потеряло всякое чувство меры, – поставила диагноз Елена Станиславовна.

– Когда можно ожидать статью?

– Ну... Это зависит... Олег вынул из внутреннего кармана пухлый пакет и положил на край стола.

– Вот тут дополнительные материалы, они помогут работать быстрее.

– Возможно... – Суровая Елена Станиславовна на конверт не взглянула и даже, похоже, не заметила его – задумчиво переложила бумаги на столе и прикрыла пакет какой-то потрепанной папкой. – Возможно, через три-четыре недели.

– Нужно через неделю. Через две поступят новые материалы, куда более сенсационные.

– Я не гонюсь за дешевой сенсационностью. Мы должны информировать общественность о положении дел профессионально и оперативно.

– Истинная правда.

Олег откланялся и вышел.

Курилка на лестнице в редакции рангом поуже. Рядом с Гриневым стояла дерганая дама лет двадцати восьми в боевой раскраске и расцветке. Она успевала курить, кокетничать, поправлять локон, теревить папку...

– Светка, я набросал основные тезисы... А ты уж грохни остро, резво, как ты умеешь.

– Олежек, для тебя – хоть луну с неба. Мы поужинаем сегодня?

– Лучше в конце недели.

– В конце недели я занята.

– А сейчас у меня дел не впрокорот. – Гринев передал ей пакет.

– Гонорар? – приподняла брови девушка.

– Пока шо задаток! – сказал Гринев, имитируя Папанова из «Бриллиантовой руки». – Я побежал, рыбака. Дел – выше крыши.

Девушка открыла пакет, перебрала купюры. Лицо ее порозовело от удовольствия.

За день Олег успел встретиться с долговязым длинноволосым пижоном, стареющей чопорной дамой, лысеющим маленьким мужичонкой с бегающими глазками в заношенном гэдээровском еще костюме, с худым серьезным очкариком и не в меру располневшим молодым субъектом, от которого разило дорогим одеколоном и шотландским виски. Каждый получил папочку и конверт, весомость и содержание которого полностью отражало как внешний вид авторов, так и весомость изданий, какие они представляли.

Был уже конец недели, а Гринев словно летал. Он был не просто энергичен – скорее взвинчен. Том, напротив, выглядел замотанным и поникшим.

– «Хлопоты бубновые, пиковый интерес»... – напел Олег, спросил:

– Что такой кислый, Том?

– Так. Просто устал. Я покупал всю неделю. На счету конторы осталось... тысяч пятнадцать.

– Кто-то на покупки отреагировал?

– Я был аккуратен. Да и рынок эти бумажки не интересуют.

– Оч-ч-ень хорошо. А ну-ка посмотрим... – Олег застыл перед монитором компьютера. – Ты молодец, Том. Это даже лучше, чем я предполагал.

Том вяло кивнул.

Гринев подал ему листок:

– С понедельника начинай сбрасывать. По этому списку. Крупными пакетами.

Держи динамику сброса, ну ты знаешь.

– Послушай, Олег... Я не понимаю.

– Потом. Все – потом.

* * *

– Наш Медведь ввязался. И подвязал контору. Намертво.

– Это я уже знаю.

– Нам нужно, чтобы увяз всеми четырьмя лапами?

– Нам нужно, чтобы увязли все. Все! Вот тогда и будем банковать.

– Экономика перестанет быть экономной...

– Экономика на какое-то время перестанет существовать

вообще. Да и...

Никакая экономика не принесет и процента тех прибылей, какие приносит политика.

Глава 14

Гринев просматривал газеты. Улыбался. Отдельные заголовки были хороши особенно: «Российские предприятия сданы в металлолом. Вместе с людьми», «Правительство готово списать нерентабельные предприятия?», «Заборы вокруг заводов нужны только затем, чтобы скрыть пустоту». Снимки были под стать: похоже, фотографии под заказ выискивали самые непрезентабельные пейзажи: все это действительно производило впечатление заброшенной свалки.

Зазвонил телефон. Олег поднял трубку:

– Да. Нет. Этого я не знаю. И никто не знает. Правильно мыслишь. Ты же знаешь мои источники информации. Я сбрасываю? Просто избавляюсь от балласта.

Сам думай.

Телефон зазвонил снова:

– И много у тебя? У-у-у... Сбрасывай все! Да какая там игра: через неделю ты за это не получишь и ломаную копейку! Да не за что, Славик, один хлебушек кушаем.

...Середина дня. Уютный частный ресторан. Молодой человек говорил вполголоса, доверительно, наклонившись к Олегу:

– Ты за день сбросил акций на три лимона зелени. Решил в два конца, по полной программе?

– Не будет двух концов, Гера. – Олег выглядел сильно

захмелевшим и оттого откровенным. – Сливать этот мусор нужно. Завтра еще успеем, послезавтра будет поздно.

В лице Геры застыло недоверие. – А когда внизу подхватывать будешь?

– Никогда. Песня отпета. Я лоханулся, как дурак. Теперь хоть какие-то деньги из этих памперсов отжать. На «голубых фишках» верну.

– Ты же покупал всю прошлую неделю...

– Бес попутал. – Олег вздыхает сокрушенно. – Карташов, помнишь его? Он забыковал втемную, ну я и купился.

– Значит – сбрасывать?

Олег поднял на собеседника взгляд, прикусил губу, словно опомнившись:

– Или – покупай. Сейчас купить можно дешево.

– Слушай, я побегу.

Олег пьяно кивнул, налил очередную рюмку. Молодой человек скрылся в дверях. Олег поглядел ему вслед. Взгляд у него был лукавый и абсолютно трезвый.

Вечер. Гринев сидел в кресле откинувшись и улыбался, словно сытый кот, щурясь на экран монитора.

– Олег, я зайду?

– Валяй, Том.

Лицо у Тома было растерянное.

– Акции пошли вниз. И не только те, что из списка. Все, – произнес он упавшим голосом.

– О чем и мечталось. Твой прогноз?

– Сегодня начали сбрасывать конторы. Если мы не подхватим, завтра начнут сбрасывать мелкие держатели и процесс станет лавинным. Неуправляемым.

– Том, да ты стал просто поэтом.

– Олег, извини, но... что мы делаем?

– Кидаем рынок.

– Разорятся десятки предприятий. Сотни.

– Еще не вечер, Том. Через два-три дня картина битвы будет ясна.

– Она и теперь... Акции российских предприятий не будут стоить ни полушки.

И мы... мы не сможем их толкнуть вверх.

– У нас есть резерв «верховного главнокомандования».

– Да? – На лице Тома не отразилось никакого воодушевления. – Для того чтобы поднять рынок, нужно будет, – Том возвел глаза, – два-три миллиарда долларов. Это по минимуму.

– Разве страна оскудела деньгами, Том?

– Такие акции ни для кого не товар.

– Но и не воздух. Заводы стоят миллиарды долларов. Ты это знаешь. Я это знаю. Это знают те, кто обладает реальными деньгами. Но – ты прав. Они не выглядят как товар. Мы сделаем их товаром.

– Будем формировать спрос?

– Ажиотажный спрос, Том.

– Серьезные финансисты станут выжидать.

- Нет, Том! Кто не успел, тот опоздал! Это ты в Англии рос, а все наши будущие инвесторы – советские люди!
- Все равно, Олег... Использовать конъюнктуру возможного рынка в реальных комбинациях – это иллюзия.
- Финансисты рынок не используют. Они его создают.

* * *

...Фондовая биржа была похожа на муравейник, в который закинули горящую головешку. Молодые люди сновали взад-вперед, лица у одних были озабоченные, у других – отчаявшиеся. У экранов мониторов с лихорадочным блеском в глазах застыли молодые люди: отблески цифр словно завораживали их, а мелодичные звонки импортных телефонных аппаратов звучали странной нездешней музыкой – словно звуки дудочки гамельнского чародея-крысолова, уводящего зачарованных детей в глубины земли, в бездну...

* * *

...Кабинет высокого правительственного чиновника. Он стоя что-то отвечал по телефону, скомканным платком промокивая беспрестанно потеющий лоб. Положил трубку аккуратно, словно боясь оскорбить стуком абонента на том конце провода.

Телефон стоял на отдельном столике. На нем не было никаких наборных панелей.

Только герб России. Чиновник только опустилсЯ было в кресло, как запиликали сразу несколько аппаратов на прищавной тумбе. Глаза его были полны безумного беспокойства за собственную покойную будущность...

* * *

...Поздний вечер. Чернов с собеседником сидел в отдельном кабинете частного ресторана.

– Борис Михайлович, я никогда не был паникером...

– Я это знаю, Марк Моисеевич.

– Поэтому расцени мои слова правильно. Рынок... умер. И убил его – ты.

– Я?

– Ну твой Медведь, какая разница?! Все знают тебя. Здесь нужна была ювелирная работа, а он – грохнул. Знаешь, что будет дальше?

– Догадываюсь.

– Головы полетят по полной программе. Твоя – первая. Прокуратура, безопасность, кредиторы... Твоя компания – банкрот... И все наши тебя списали: ты же кинул всех на такие деньги, что подумать жутко... – Марк закрыл глаза, произнес тихо:

– Я рискую, встречаясь с тобой.

– Марк...

– Погоди, Борис. Помнишь, когда несколько лет назад коллективно решили меня подставить... Вступился ты один. Почему, Борис?

– Не люблю, когда людей бьют, особенно шоблой.

– Именно это сейчас собираются проделать с тобой. – Марк вздохнул. – Тебе нужно сваливать, Борис. С концами.

– Считаешь, это единственный выход?

– Это единственный разумный выход.

– Спасибо, Марк. Я подумаю.

* * *

Человек сидит за столом. Кивает, слушая собеседника, но оттого – еще больше напоминает манекен.

– Похоже, обвал рынка приобрел неуправляемый характер. Стал лавинным. Все держатели избавляются от акций.

– Похоже или приобрел?

– Приобрел. Остановить падение может разве что Господь Бог.

– С этим игроком мы не играем. Я хочу знать о реальных опасностях.

– Забеспокоились владельцы промышленных гигантов Урала, Сибири, средней полосы.

– Им что за дело?

– Дрогнули и их курсы: мелкие заказы они размещали по

всей России на тех предприятиях, что сейчас сыплются. Да и общая конъюнктура такова.

– Они могут вступить в игру?

– На повышение? Нет. Для серьезного подъема нужно... пять-шесть миллиардов свободных денег.

– У них наберется и поболее.

– Но не в России и не сейчас. Да и... эти господа не привыкли рисковать своими деньгами.

– Когда процесс дойдет до нижней точки?

– Этого наверняка теперь не скажет никто.

– Мы сможем законсервировать кризис?

– Да. Если не будет существенных финансовых вливаний, ситуация замрет.

Останется добавить горсточку пепла: присыпать прах нашего уважаемого...

– А вот этого имени не стоит произносить нигде. И ни при каких обстоятельствах, – шелестяще сказал мужчина за столом.

Человек напротив помялся, поднял взгляд на босса:

– Что теперь будем делать с нашим Медвежонком? Ему пора покидать грешную землю: нельзя быть настолько не от мира сего.

– Рано. Безвременная смерть финансиста хороша лишь тогда, когда имеет воспитательное значение. Для оставшихся в живых. Пусть сначала спалит всю сумму.

– Он не финансист. Он игрок.

– Не важно. А важно, что такова любая смерть. – Мужчина развел губы в оскале, означавшем улыбку:

– Оттого и люблю античные трагедии. Тогда люди помнили о смерти и знали толк в жизни.

– И смысл?

– А вот смысл этой жизни каждый выдумывает себе сам.

Глава 15

Поздний вечер. Олег устало застыл перед включенным монитором, закрыл глаза, и строки из «Бусидо сосинсю» пришли на память сами собой: «Тот, кто забывает о смерти, становится невнимательным, неосмотрительным и беспечным, ибо корень всех бед кроется в невнимании, изъяны и несовершенства завладевают воином, и тогда он беззащитен».

Гринев встряхнул головой и снова посмотрел на график-кривую на экране компьютера. Все нормально. А что тогда плохо? Что?

Телевизор был включен. Диктор считывал с суфлера текст хорошо поставленным баритоном:

«Беспрецедентное за последнее время падение курса акций российских предприятий на фондовом рынке не только вызвало озабоченность в деловых кругах, но и всколыхнуло общество. Мы взяли интервью у ряда известных политиков и парламентариев. Вот как прокомментировал происходящее член фракции „Новые регионы“ Василий Надыбин».

На экране – мясистое бритое лицо, кустистые брови: «говорящая голова», выдающая заданно-запрограммированные блоки раз и навсегда затверженных фраз.

«Американский империализм все теснее затягивает удавку на шее трудового народа, а его прихвостни, демокра-

ты и банкиры, продолжают геноцид русских людей, чтобы завладеть нашим богатством. Мировые сионистские круги...»

Борис Михайлович Чернов даже не вошел, он буквально ворвался в кабинет. Он был взбешен. Взглянул на развалившегося в кресле Гринева, процедил сквозь зубы:

– Может, ты объяснишь мне, что происходит? Или – мне тебе объяснить?

– Игра. «Гусарская рулетка, опасная игра...» – напел Олег, добавил спокойно:

– Все идет по плану, Борис.

– По плану? По чьему плану?!

Гринев взвился с кресла, развернул монитор к Чернову:

– Да смотри же, Борис! Узнаешь фигуру? Это же «голова-плечи», перевернутая! Все будет вот так. – Олег жалом перьевой ручки показал завершение фигуры: ручка взлетела вверх, за край монитора.

– «Голова-плечи», говоришь? – Чернов едва сдерживал бешенство. Рука его прочерчивает неровную кривую вниз:

– Вот что будет дальше, Медведь! Ты понял?

Это – «собака Баскервилей»

, и она нас сожрет! – Закончил он жестко и твердо:

– Ты упал. Нужно вынимать деньги.

– Мы уже вломились на пять лимонов зелени. Есть смысл идти дальше.

– Я не самоубийца! А если тебе нравится играть в русскую рулетку, то это можно сделать проще и эффективнее! – Чер-

нов приставил указательный палец к виску и щелкнул пальцами. Сел, прикрыл набрякшие веки, помассировал их подушечками пальцев, заговорил снова – холодно и спокойно:

– Ты не чувствуешь реальных финансовых потоков. Как ты говорил? «Мы слегка продадим рынок». Ты его не продавил. Ты его обрушил.

Олег сел за стол, произнес медленно и монотонно, глядя в глаза Чернову:

– Да. Обрушил. И сделал я это намеренно.

– Что?! – В лице Чернова смешались гнев, непонимание, недоумение, обида...

– Что ты сказал?

– Я убил рынок. Он будет падать еще дней пять. Ниже дна. Потом – станет подниматься. И тут мы ему должны помочь.

Чернов закрыл лицо руками:

– Ты хоть понимаешь, что ты нас слил? Себя, меня, контору? То, что ты кинул всех, – это бизнес; то, что ты кинул меня, – это что?

– Я тебя не кинул, Борис. Если я и ошибся в расчетах, то лишь в меньшую сторону. Когда мы подберем рынок, мы заработаем тысячу процентов.

Чернов смотрел теперь на Олега чуть склонив голову, с каким-то новым интересом. Прорекламировал медленно, с расстановкой:

– Маленький мальчик нашел пулемет. Больше в деревне никто не живет. – Лицо его сделалось жестким, непроница-

емым.

– Договорим завтра, партнер. Сегодня я слишком устал. Да и утро вечера мудренее.

Чернов остался в своем кабинет один. Некоторое время он невидяще смотрел на монитор, уголки рта опустились, как у обиженного ребенка. Чернов взял трубку телефона, набрал номер:

– Хакер у себя? Он мне нужен. Сейчас...

Автомобиль с Гриневым отъехал от конторы. Чернов увидел это из припаркованного недалеко от входа автомобиля с тонированными стеклами. За рулем был он сам. Рядом с ним сидел длинноволосый молодой человек в кожаной куртке. В ухе у него – подобие слухового аппарата.

– Он поехал к какой-то Марине. Думаю, задержится.

Чернов скривил губы:

– Может, задержится, а может... Нам следует спешить.

Длинноволосый пожал плечами, взялся за ручку дверцы.

– Я сказал – спешить, а не суесться. Протокольные десять минут. – Хозяин – барин.

* * *

...Комнату Марины теперь укутывал вечерний свет: мягкий, теплый. Горели свечи. Олег принес огромный букет, Марина опустила его в вазу, полюбовалась, чуть отстранившись. Посмотрела на Гринева:

– А ты изменился. Или – это свет такой?

– Наверное, свет. В этом мире мало что меняется по существу.

– Нет, ты точно изменился.

– Дело делаю.

– Свое?

– Надеюсь.

Марина вдруг пригорюнилась, тряхнула волосами:

– Просто... ночью все другое. Или – кажется другим.

– Завтра переменится?

– Не знаю. Что может знать ветренная женщина про завтра?

– Ты – ветренная?

– Сегодня – да. Слово «ветер» прекрасно само по себе – в нем есть энергия, движение, воля. То, чего мне так не хватает в жизни. – Марина улыбнулась печально:

– Сегодня я ветренная. А ты... ты словно сияешь. И даже букет принес сиятельный, словно я – княжна. Глупость, а приятно.

Марина подошла к стереосистеме, поставила диск, закрыла глаза:

– Танцевать хочу. Жестокое танго. Танго с огнем. Музыка была огненной.

Страстной. Марина танцевала отрешенно, чуть склонив голову, ресницы – полуопущены. На скатерть упало несколько лепестков... Сквозь янтарную винную влагу мерцал огонек свечи... Мелодия лилась томно и влажно, словно в даль-

ней амазонской ночи... А тени на стенах комнаты исполняли свой причудливый танец...

Все это Олег даже не замечал – чувствовал... Когда он засыпал, музыка еще продолжала звучать и комната была наполнена теплым светом догорающих свечей.

Девушка встала, прошла на кухню, закурила. Ее лицо то проявлялось в ночном черном стекле вместе с мерцающей оранжевой точкой, то – меркло.

– Если бы кто знал... – тихо произнесла Марина. – Если бы знал...

Лицо ее сделалось жалким, вымученная улыбка скривила губы. Марина встряхнула волосами, налила себе в большой фужер до краев водки, выпила единым духом, улыбка стала горькой. Марина подмигнула собственному мутному отражению:

– И кто поможет бедной девушке понять эту жизнь? Никто.

Глава 16

– Пора, – отрывисто бросил Чернов.

Вместе с длинноволосым они вышли из машины, обогнули здание – Чернов открыл черный ход своим ключом, – поднялись по лестнице, посвечивая под ноги узеньким лучом фонарика. Офис был пуст.

В темноте замерцал экран компьютера.

– Что мы ищем? – поинтересовался длинноволосый.

– Ключ-код к банковскому счету.

Длинноволосый деловито кивнул, ухмыльнулся:

– Я бы держал его в голове.

– Мой друг слишком эмоционален. А эмоции сжигают цифры. Особенно с восемью нулями.

Хакер застыл перед экраном; отблески искусственного света заплясали на его лице; колонки цифр отражались в темных зрачках, и длинноволосый в эту минуту казался просто придатком машины.

Цифры закончили свою свистопляску, выстроились в ровную колонку; высветилось и кодовое слово. Длинноволосый откинулся на стуле:

– Все.

– Подождите меня в холле, – велел Чернов. Он сел за клавиатуру, застучал по клавишам, напевая чуть фальшиво:

– На земле весь род людской... чтит один кумир священ-

ный... он царит над всей вселенной... тот кумир – телец золотой... На экране появилась надпись: «Трансфер завершен».

Борис Михайлович растянул губы в вымученной улыбке:
– Ну вот и вся коррида.

Уже в машине Чернов передал хакеру пачку долларов. Тот пошуршал новенькими купюрами, хищно втянул ноздрями воздух:

– А говорят – деньги не пахнут. Отчаянный аромат.

* * *

Олег проснулся рано – Марина еще спала. Воспоминания минувшей ночи были яркими, как бредовые галлюцинации; Олегу даже подумалось, не приснилось ли ему все это... Он посмотрел на спящую девушку, черкнул на листочке несколько слов, беззвучно оделся и вышел.

В свой кабинет Гринев прошел пружинисто, уверенно, мимоходом спросил у секретарши:

– Надя, Чернов приехал?

– Еще нет, Олег Федорович.

– Пригласи ко мне Тома. Через десять минут.

– Хорошо.

Олег бегло просмотрел почту, устроился за компьютером; на экране высветилась надпись: «Коррида». Следом – номер корпоративного счета и цифровой ключ-код. Потом – другая надпись: «Счет заблокирован».

Гринеv тряхнул головой, произнес тихо:

– Не понял...

Ввел свой пароль, вошел в систему... Тянулась минута, другая, пока на экране не появились цифры: \$ 18,95.

Олег сорвал телефонную трубку, набрал номер:

– Банк «Либерта кредит», операционный отдел, – ответили ему по-английски.

– Господина Шульца, пожалуйста.

– Вас слушают.

– Это Гринеv. Проверьте, пожалуйста, счет номер 305748574, ключи и пароли введены.

– Да, мистер Гринеv. На вашем счету восемнадцать долларов девяносто пять центов.

– Сколько?!

– Восемнадцать долларов...

– Подождите! Там должно быть девяносто пять миллионов долларов... Девяносто пять! Миллионов! Долларов!

– Минуту. Я соединю вас с начальником операционного отдела.

– Добрый день. Это Герберт Крайкофф, – ответил ровный мужской голос.

– Это Гринеv. Что там за сбой со счетом? Там должно лежать девяносто пять миллионов долларов.

– Согласно платежному поручению, эти деньги переведены на указанный клиентом адрес.

– Клиентом? Каким клиентом?! Это корпоративный счет,

и деньги могут быть переведены только с согласия двух клиентов, вы слышите, двух! – Внезапно он замолчал, спросил сдержанно:

– Простите, герр Крайкофф. Кто подписал платежное поручение?

– Господа Борис Чернов и Алек Гринев.

– Когда?

– Вчера, в двадцать три сорок восемь. – В трубке повисло молчание, потом голос произнес извиняющимся тоном:

– О, простите, мистер Гринев, действительно произошла ошибка.

– Ошибка...

– Да. К сожалению, мы не вычли за обслуживание. Ваш долг за обслуживание счета составляет сто двадцать четыре евро. Извините еще раз. Вы можете погасить долг в любое удобное для вас время.

– Да-да... Мы погасим долг... – произнес Олег машинально.

– У вас еще вопросы?

– Нет.

Олег положил трубку, застыл неподвижно, глядя в одну точку, и вдруг смел со стола все одним движением – папку с бумагами, карандаши, листки, сложенные стопкой на краю, телефонные аппараты, монитор... Кабинет словно взорвался грохотом, и – сразу стало тихо.

Олег одним движением оттолкнулся от пола и проехался на стуле к стене.

Закрыв лицо руками, потом встал, подошел к шкафу, открыл, взял матовую бутылку, зубами выдрал пробку, в три глотка прикончил коньяк и с маху запустил бутылкой в стену. Раздался глухой стук, бутылка не разбилась, – упала на пол и закрутилась волчком. Гринев следил за нею с интересом трехлетнего ребенка.

Глава 17

Послышался осторожный стук в дверь, следом показалась встревоженная физиономия Тома:

– Олег?

– Проходи, Том, располагайся, – сказал Олег, не отводя взгляда от импровизированного волчка. – У тебя что-то важное?

– Да нет, – вконец растерялся Том. – Все как обычно.

– Думаешь?

– Что мы сегодня делаем, Олег?

– Наблюдаем.

– А-а-а-а...

Наконец бутылка прекратила вращение. Гринев явно нехотя оторвал от нее взгляд, поднял голову, спросил спокойно и деловито:

– У тебя что-то срочное, Том?

Том обвел взглядом разгромленный кабинет:

– Да как сказать... Скорее – рабочие моменты.

– Слушаю.

– Телефон раскалился от звонков. Требуют Чернова. Или – тебя.

– Клиенты?

– Да. Что им говорить?

Олег пожал плечами:

– Обещай. От моего имени. Одним – миллион, другим – два миллиона. Мне это ничего не стоит, а людям приятно. Борзов Никита Николаевич не объявился?

– Нет.

– Отрадно. Но – странно.

– Он много вложил?

– Много – не то слово.

– Понятно. – Том помедлил. – А все-таки, Олег... Произошло что-то экстраординарное?

– Да. Работай, Том. До понедельника я разберусь.

Том понуро кивнул и вышел.

Олег вернулся к столу, упал в кресло, закурил. Произнес отчетливо:

– Коррида... Открыл сейф, выгреб всю наличность и документы, закрыл в «дипломат».

Подошел к окну, глянул вниз. К подъезду припарковался лимузин в сопровождении черного «хаммера».

– А вот и господин Борзов пожаловали... Только вас у нас и не хватало... Он стремительно вышел в коридор, улыбнулся секретарше:

– Надя, я там слегка насорил, карандаши чинил, то-се... Вы приберите, пожалуйста...

– Ну конечно, Олег Федорович.

Гринев распахнул дверь в комнату сотрудников:

– Том! Выйди!

– Что-то случилось? – Том появился в коридоре, закрыл

за собой дверь.

– Никита Борзов на проводе.

– Телефон?

– Нет. Собственнолично. Разводить с ним разговоры у меня нет сейчас времени. Совсем. Пусть ждет Чернова.

– Я скажу.

– Это первое. Второе. Сотовыми махнемся не глядя? На звонки можешь не отвечать совсем.

Том пожал плечами и передал Олегу мобильный.

– И третье. Твой «жигуленок» на ходу?

– Да.

– Припаркован у конторы?

– Нет, на автостоянке. Ты знаешь.

– Разодолжись ключами.

– Держи.

– И ты держись, Том, ладно?

– Я постараюсь, Олег... Что все-таки произошло?

– «От многая знания – многая печали, и, умножая познания, умножаем скорбь». Что в переводе с Экклезиаста на русский: меньше знаешь – крепче спишь.

– Не доверяешь?

– Брось, Том. Просто не хочу загружать твою голову избыточной информацией.

– Избыточной?

– Это такая, за которую головы отрывают. Особенно если речь идет о суммах с восемью нулями.

Мужчина за столом оставался невозмутим. Его собеседник, напротив, испытывал нешуточное волнение.

– У нас проблемы, – произнес он тихо.

– Вот как? У нас? А не у вас?

– Я в том смысле...

– Ну, что вы стушевались, милейший? Излагайте вашу проблему.

– Пропал Чернов. Старший партнер Медведя.

– И – что?

– Он пропал вместе с деньгами.

– Сколько у них оставалось?

– Около ста миллионов долларов.

– Деньги непустячные, но проблема не в них?

– Именно. Если бы Гринев продолжал игру дальше...

– Я не люблю сослагательного лагклонения. Что мы имеем теперь?

– Банальную кражу. Чернов пропал с деньгами, следом за ним, судя по всему, исчез и Гринев.

– Подождите. Игра идет уже вторую неделю, почему Чернов подхватился только теперь?

– У них разделение труда. Борис Михайлович ищет клиентов, разговаривает, ну и все в том же духе. Гринев...

– ...Технически осуществляет проекты.

– Да. Чернов опытный финансист, но жестко партнера давно не контролировал, вы же знаете.

– Как трогательно. А что, если они просто-напросто в сговоре и решили кинуть клиента на соточку? Хорошая сумма, если это не финансы, а именно деньги.

Жить можно до конца дней.

– Но очень беспокойно.

– Кто теперь может позволить себе жить спокойно?

– Нет. Исключено. Не стал бы Медведь... Он же одержимый. Игрок.

– Да? Ну допустим. Чем все это грозит?

– Расследованием. В том числе – происхождения начальной суммы.

– Расследования в любом случае было не избежать.

– Тогда оно было бы нам на руку. Два жадных и не очень умных трейдера решили урвать куш и по куражу и глупости не только сами упали, но и рынок грохнули. А потом – пожгли деньги, пытаясь его приподнять. И – сгорели сами.

Схема железная. Виноватых нет. Особенно если оба покойники. А теперь...

– Не нужно мне говорить, что будет теперь. – Лицо человека за столом закаменело. – Найдите его. И его и Чернова.

– Живыми?

Глава 18

Олег вышел через черный ход, спустился по узенькой лесенке, оказался позади здания, прошел с полквартала до автостоянки, разыскал серый ухоженный «жигуленок» Тома и через минуту уже мчался по проспекту.

Набрал номер на мобильном:

– Марк Захарович? Гринев. Вы знаете моего партнера? Да. Мне нужно все, что у вас есть на него. Сейчас.

Через сорок минут они уже сидели в небольшом открытом кафе в Чертанове. На лице Марка Захаровича было написано полнейшее безразличие. И только пальцы перебирали горсть монеток на столе, то складывая в стопочки, то раскладывая совершенно автоматически в ведомом только ему порядке.

– Так что у вас есть на Чернова? – начал Олег без долгих прелюдий.

– На Бориса Михайловича?

– Именно.

– А что вам нужно?

– Марк Захарович, время дорого, потому давайте без лишних церемониалов.

– Я в том смысле... Разве я могу знать больше, чем вы, милейший Олег Федорович? Это же ваш партнер, вы работаете столько лет вместе...

– Времена лукавы.

– Я вас умоляю... Бизнес есть бизнес, нет?

– Именно поэтому я к вам и обратился.

– Олег Федорович, я не занимаюсь биржей, это ваш кусок хлебушка с кусочком маслица. Что вы от меня хотите?

– Мне нужно знать, чем занимался Борис Михайлович в конце восьмидесятых – начале девяностых.

– Да боже ж мой! Чем он мог заниматься? Как все умные люди, создавал кооперативы.

– Старые грехи?

– Олег Федорович, грехи не бывают старыми или новыми.

А когда речь идет о деньгах...

– Но папочку вы собрали?

– Почему нет? У людей, которые поднимаются в вашей среде выше среднего, растут и проблемы. Но они полагают, что старые грешки, как и старые вещи, ничего теперь не стоят.

– Хм... может, у вас и на меня собрано дельце?

– Ну что вы, Олег Федорович. Вы же с биржи ни ногой, а она прозрачна, нет?

– Сколько вы хотите за информацию?

– Десяточку.

– Сколько?!

– Разве это не разумная цена в нынешних обстоятельствах?

– Вы же не интересуетесь биржей...

– Не настолько, чтобы не знать очевидных вещей. Когда

кто-то начинает выбрасывать на ветер миллионы, наблюдать это увлекательно. Если вам не нужны уже миллионы, что за сумма – десять тысяч? Особенно если вы желаете хорошо заработать?

– Биржа – опасная вещь. Можно заработать, а можно и сгореть.

– У каждого свой гешефт, нет? Восемь тысяч. Вы ведь у нас теперь, Олег Федорович, воротила. И делаете большие дела. – Что у вас есть на Чернова?

– Девяностый год. Немножко кооперативы, немножко ба-ловство с перегонем на ла в безнал и обратно... Кто этим не грешил? Все очень мило и почти законно, но... Да вы сами увидите, вы же финансист.

– Откуда материалы?

– Какая вам разница?

– Вы запрашиваете за них оч-ч-чень хорошие деньги.

– Деньги любые хороши, плохо лишь их отсутствие. Но вы правы: лучше больше, чем меньше. А материалы... Папочка из одной муниципальной архивной конторки. Там ведь тоже люди хотят кушать.

– Шесть тысяч.

– Семь.

– Ну хорошо.

– Деньги при вас?

– Да. Материалы?

– Вы мне не доверяете?

– Я хочу знать, что покупаю.

Марк Захарович передал Гриневу папку. Тот открыл, пролистал, внимательно вглядываясь в колонки цифр.

– Вам нравится? – Лучась елейной улыбкой, спросил Розен.

– Это подлинные документы?

Марк Захарович округлил глаза, вздохнул шутливо-сокрушенно:

– Помилуйте, Олег Федорович... Единственный экземпляр!

Гринеv вынул из «дипломата» перетянутую резинкой пачку, еще двадцать стодолларовых банкнот рассыпью и бросил на стол.

– Олег Федорович, – укоризненно прошелестел Марк Захарович; лоб его покрылся обильной испариной, он суетливо, но зорко оглянулся, быстро сгреб купюры пухлыми пальцами и мгновенно смахнул в сумку. – Разве ж так можно обращаться с деньгами?

– Кому суждено быть повешенным...

– Только не говорите за столом о покойниках, я вас умоляю!

Гринеv кивнул и снова углубился в изучение бумаг.

– Кажется, я вам сегодня больше не нужен?

– Нет.

– Тогда я побегу? Удачи, милейший Олег Федорович, если не в начинаниях, так в завершениях. Видит бог, вы мне ка-

к-то особенно симпатичны. – Марк Захарович закрыл сумку, протянул пухлую руку. Теперь его улыбка источала исключительное благодушие.

– Это взаимно. – Олег энергично пожал мягкую ладонь.

– И не сидите долго на одном месте, дорогой Олег Федорович. Нынче сквозит.

Можно крепко застудиться. А мне вас, поверьте, будет очень не хватать.

Марк Захарович быстро засеменял к выходу и через минуту исчез, как испарился. Лишь мелочь осталась лежать на столе ровной стопкой.

К Гриневу подошла официантка:

– Что-то закажете?

– Большую чашку кофе. Тройной эспрессо с кусочком сахара.

Когда Олег закончил изучение содержимого папки, кофе чуть остыл, Гринев выпил его в три глотка, улыбнулся краешками губ, произнес тихо, почти про себя:

– Коррида так коррида.

Машина резко затормозила рядом, как только Олег спустился с террасы кафе.

Двое парней выскочили резво, кинулись к нему, но Гринев оказался быстрее: неуловимый уклон, удар в печень, и первый из нападавших словно поскользнулся и бесчувственным мешком упал на асфальт. Второй был рядом, когда Олег бросил ему в руки «дипломат», крикнул:

– Держи!

Парень схватил «атташе» двумя руками и тут же рухнул на землю от умело проведенной подсечки. Попытался было встать, но жестокий удар в основание черепа заставил и его ткнуться в землю.

Гринев подхватил «дипломат», ринулся к «жигуленку», сел за руль, вставил ключи в замок зажигания, тронул, почти вырулил на полосу, и тут его с маху протаранил в борт массивный джип. Олег ударился, мотнул головой...

Двери его автомобиля распахнулись одновременно. Худой жилистый парень гибким хищным зверем метнулся в салон, успел обхватить Медведя за отвороты пиджака и жестко свел руки. Олег попробовал освободиться, но удар в висок с другой стороны сделал мир тягучим и непрозрачным, ворот перекрыл сонные артерии, и он потерял сознание.

Глава 19

Очнулся Олег в салоне того же джипа, скованный спереди наручниками, между двумя молчаливыми парнями. Тряхнул головой, спросил:

– Далеко едем, пацаны?

– На кладбище, – ответил тот, что сидел слева.

Джип и вправду через некоторое время выехал за кольцевую, прокатил с десятков километров, и вскоре Олег увидел ровные ряды могил и крестов подмосковного кладбища, выросшего на месте некогда деревенского погоста.

Свернули на грунтовку. Тяжелый джип шел, переваливаясь на разбитой дороге.

– Дали б сигаретку, что ли.

– Нервничаешь?

– Курить хочу.

Тот, что слева, скривился в ухмылке:

– Сашок, дай ему. Здоровью это уже не повредит.

Сидевший справа жилистый вставил Олегу в рот сигарету, поднес огонь, Олег жадно затянулся.

Кладбище обогнули по периметру, остановились у крепкой избы.

– Приехали.

Гринева провели в дом. У стены в ряд стояло несколько свежеструганых гробов, вкусно пахло свежей сосновой дос-

кой.

– Наверх, – скомандовал провожатый.

На чердак вела крепкая тесаная лестница.

Чердак был просторный, ухоженный, светлый. Несколько стульев, стол и двое мужчин за ним: молодой очкарик из породы вечных отличников в модном галстуке и дорогом костюме и кряжистый мужик лет шестидесяти, с бурого цвета морщинистым лицом и блекло-серыми глазками, одетый в дорогой, из хорошего бутика, свитер и свободные брюки.

– Усаживать, что ли? – спросил сопровождавший Олега здоровяк у старшего. – Да. И кандалы с него сними.

– Я бы поостерегся. Прыткий этот брокер, забодай его коза. Кутика и Веню уложил в три секунды, они и чирикнуть не успели. Хорошо, мы на подкате оказались и запечатали, а то бы – как знать.

– Куда ему здесь бечь, кроме как в могилу? Мне говорили, мужчина он разумный, понимать должен. Понимаешь? – спросил старший, уставясь на Гринева мутным взглядом. Он смотрел так, словно не проспался еще – от пьянки или наркоты. А может, и талант у него таковой имелся: прятать интерес, тревогу, жалость, жестокость – за тусклой поволокой взгляда.

Олег безучастно пожал плечами.

– Лады. Береженного бог бережет, небереженного конвой стережет. Времена поменялись, а все идет по-прежнему: одни за забором припухают, другие – на воле куражатся. Ты,

Курень, к стулу его пристегни. Стул на совесть сработан, с ним егозой не поскачешь.

Подошел жилистый Сашок, вдвоем с Куренем Олега усадили, пристегнув правую руку к громоздкому стулу. «Дипломат» поставили рядом со столом.

– Портфелек с ним был, – пояснил Курень.

– Угу, – кивнул старший.

Пауза зависла длинная, тяжелая, как бетонная свая. Прошла минута, потянулась другая, третья. Олег сидел и смотрел прямо перед собой.

– Ну ладно, парень ты не нервный, – заговорил пожилой. – А чего тогда руками махать начал, ребят разозлил?

– Вообще-то я их хотел водочкой угостить, да не успел.

– А руками помахать успел...

– Мышечная память.

– Чего?

– Инстинкты. Срабатывают быстрее мышления. В критической ситуации это важно.

– Для «торпеды» – да. А бухгалтер, я чаю, головой спервоначалу думать должен. Ты ведь бухгалтер?

– Угу. Счетовод.

– Счетовод... – усмехнулся пожилой. – Что-то погоняло у тебя для счетовода громкое: Медведь.

– Медведь – не погоняло, а профессия.

– Угу. Твой Чернов, значит, «капусту» рубит, а ты – в погреба складываешь?

– Нет. Он рассаду добывает, а я – за огородом присматриваю.

– Вот и я присматриваю. Коллектив поручил. Чтобы все по уму шло. Зовут меня Сан Санычем.

Сан Саныч пожевал губами, потом сказал:

– Так вот, Медведь. На то, в каких лесах ты своих клиентов обламываешь, мне плевать. С чего лавэ поднимаешь и сколько «крыше» засылаешь – тоже. А только непонятка у нас выходит.

– Да? – Вот этот, – кивнул Сан Саныч на молодого, – Руслан, шепнул нам: упали вы ниже грязи. А он к вам двести кусков отнес, так сказать, плодиться и размножаться. Деньги те не мои, и не Руслана, деньги коллектива; он доверил по молодости и глупости вам. Картина ясна?

– Кристально. Кто принимал деньги? Чернов? – быстро спросил Олег лощеного Руслана.

– Том.

– Иностранец? – уточнил Сан Саныч.

– Здешний. Том Степанов. Он в Англии родился. Предки работали в службе посольства, вот и нарекли чадо Томасом, – пояснил Олег.

– Какая разница, Медведь, кто принял, кто сдал?.. – продолжил Сан Саныч. – В конторе заправляешь ты и Чернов, так? Так. Работаете вы, по сути, на одну руку, а как уж потом лавэ пилите – мне тоже без интереса. А интерес мой в том, что деньги вам дали, денег теперь нет. Отсюда и проблема.

Больша-а-ая проблема.

У тебя лично, Медведь.

– У нас, Сан Саныч.

– У нас?

– Именно. Вы спрашиваете с меня, коллектив спросит с вас. Я правильно все понял?

– Лады. Хватит пустыми понтами греметь. По существу вопрос решать станем?

– Да. – Олег полез в карман пиджака левой рукой, извлек сигареты, вытянул одну. – Огоньку бы.

Сан Саныч кивнул, Курень, стоявший чуть поодаль за спиной, дал зажигалку, Олег прикурил, выдохнул, спросил глядя в глаза Руслану:

– Срок договора?

– Год.

– Процент?

– Пять.

– Сколько?!

– Пять.

– Красиво. Но мы не «Bank of America».

– Не понял, – жестко перебил их Сан Саныч.

– Игра на бирже – дело рисковое. Двести штук, на год, под пять процентов... Что, в стране крупных банков мало? Они предлагают поболее и без рисков.

– А сколько предлагаете вы?

– Кому как. Но обычно – больше. Год – неплохой срок,

чтобы сумму по уму прокрутить.

– Ты хочешь сказать... – начал Сан Саныч и резко повернулся к Руслану:

– Так сколько тебе тот Том Степанов откатил, выползок сучий? Ты что же, милок, решил сладко на деньги коллектива пожить? Куски втихаря отпиливать и себе в хлебало пить, крыса?

– Саныч, ты кого слушаешь?! Они же кидалы! Разводили цирковые! И Гринев этот, и Чернов! Они людей опустили на такие бабки, что представить жутко...

– А ты считал? – резко оборвал его Сан Саныч.

– Что? – смешался Руслан.

– Ты сидел подсчитывал, кого и на сколько они наладили?

– Да об этом вся Москва говорит.

– Не люблю пустобрехов. У того, кто считает чужие деньги, никогда не будет своих.

Глава 20

Руслан замолчал было, поиграл желваками на скулах, сказал с обидой в голосе:

– Да это я к чему, Саныч! Он тебе вкручивает, а ты его слушаешь!

– А ты бы его без спросу закопал, а, Русланчик?

– Нет, пусть ответит! – Руслан развернулся к Гриневу:

– Ты тут мне предъявы лошадиные кидаешь! Ты – деньги верни! Что? Сказать нечего? Пусто на счетах? Семь лимонов за неделю слили, да? Людей на бабки опустили? Молчишь?

– Думаю. А простой человек Том, а, Руслан? И незатейливый.

Сан Саныч вздохнул, потер рукой переносицу:

– Что-то я не пойму, Руслан. Семь миллионов слили, говоришь? Зелени?

– Да.

– А где здесь изюм? В чем тогда их прибыток?

– Да кидалы они!

Сан Саныч покачал головой:

– Нет. Не пойму. Да и... ладушки. С тобой, Русланчик, мы потом потолкуем.

А пока – с тебя спрос, Олег Федорович.

– А какой с меня спрос? Деньги на год вложены? На год. Прошло... сколько?

– Два месяца, – угрюмо бросил Руслан.

– Два месяца. Вот через десять месяцев и обращайтесь. У вас все?

– А ты гордец, Олег Федорович. У тебя, можно сказать, петелька на шее уже намылена, а ты – форс держишь. Могу велеть тебе по шее съездить, да боюсь, сговорчивее не станешь.

– Не стану.

– Ладно, раз уж вышли на чистый базар... То, что с конторой вашей происходит, – непонятка называется. Так?

– Может быть.

– Вот что, Медведик. Мы из кредиторов тебя, сдаётся, первыми выцепили. Что можем, скачаем с тебя. А будешь тут гонор глупый выказывать, так мы из тебя его сначала по жилушке вытянем, потом – в домовину забьем, вон их сколько, да и закопаем тепленьким. Погост-то рядом. – Сан Саныч кивнул одному из помощников:

– Курень, открой-ка, пожалуй, его чемоданчик. Чай, у него там не бомба.

Здоровый поднял «дипломат», положил на стол, оглядел замки, достал отвертку.

Олег затаился с удовольствием, улыбнулся искренне и абсолютно спокойно:

– Бомба, Сан Саныч, бомба.

– Да ну?

– Сан Саныч, ты же умный человек, считать умеешь.

– Ну?

– У тебя две сотни подвисли по балансу, и это тебя парит. А я – семь лимонов сбросил, тут Руслан не соврал. Пораскинь мозгами, под что люди такие бабульки брокерской конторе сгрузят? А? Это биржевым игрокам-то?

– Ты не крути. Говори просто.

– Под голову сгрузят. Но не под тупую, а работающую. Потому как деньги свои люди не потерять хотят, а вернуть. И с больши-и-им наваром. А почему, спросишь? А потому что у людей есть план. Жизнь – она как дом многоэтажный. На первом, как водится, дворники обосновались да магазинчики торгуют. На втором – люди служилые. А – выше? Подумай, Саныч, мне ведь не только по твоим двумстам кускам ответ держать, по другим деньгам и другим людям. Хочешь чемоданчик вскрыть? Вскрывать. Это как за игрой колоду поменять, да у всех на глазах.

Стерпят большие мужчины?

– Сладко поешь.

– Суть дела излагаю.

– Да что ты его слушаешь, Саныч! Кинули они всех! И – лыжи уже смазали.

Чернова никто нигде найти не может, и этот в бега намылился! – встрял Руслан.

– Чемодан-то ломать или как? – спросил Курень Сан Саныча.

– Погоди. Ломать – не строить, – ответил тот. Посмотрел

на Олега остро, зорко; поволоки, что застилала взгляд, как не было. – Мне до чужих схем дела нет. Я своему коллективу деньги хочу вернуть. Вот эта проблема между нами.

– Никакой проблемы. Перо, бумага найдутся?

– Расписку мне писать станешь? Может, где-то голова твоя и дорогого стоит, а каракули, я чаю, уже не в цене.

– Квартирка у меня родительская осталась. В полтораста штук потянет, если очень по-скромному. Сталинка. Москва, центр.

Сан Саныч бросает взгляд на Руслана, тот кивает.

– И машина представительская, этого года выпуска. Ну что, двести кусков перекрыли? С лихвой?

– Пожалуй что. Отстегни его, Курень.

– А Руслан ваш мне ответную подмахнет. Что претензий к конторе у него нет.

– На чем? На тетрадной четвертушке? У нас тут кроме конторских книг на покойников – никаких бумаг нету.

– У меня бланки с собой. В чемоданчике. А печать ваш юноша, думаю, в кармашке носит.

Саныч кивнул Руслану:

– Сделай.

Олега отстегнули, он взял со стола «дипломат», раскрыл, вынул папку, передал Руслану бланк. Тот заполнил, приложил печать, вернул Гриневу. Олег спрятал бумагу в папку.

– Еще подняться думаешь? – спросил Саныч.

– Не думаю. Рассчитываю.

– Может, мы зря деньги вынимаем?

– Кто скажет?

Олег быстро написал две генеральные доверенности, раз-
машисто расписался, передал Санычу. Тот прочел, оскалил-
ся:

– А рисковый ты хлопчик, Медведь. Чай, догадался, что к
нотариусу мы тебя не повезем: есть у нас свой, доверчивый,
на любую закорючку печатку набьет. А что бы нам теперь
тебя здесь же и не закопать? Землица, она ведь молчунья.
Все тайны хоронит. А людишек, даже умненьких, и подавно.

Олег довольно безразлично пожал плечами:

– Тут я тебе не указ, Сан Саныч. Сам думай. Тебе жить.

– Рисковый ты, Олег Федорович. Люблю рисковых: к ним
фарт идет. Свободен.

Дорогу найдешь?

– Сильно долго топать. Может, подкинет кто до метро?

– Сашок, подбрось. Претензий к нему нет.

Жилистый кивнул.

Олег подхватил «дипломат», пошел к лестничке, обернул-
ся:

– Да, Саныч, ты с деньгами очень торопишься?

– Твоя какая теперь забота?

– Квартирку повремени сливать. Пару недель. Дорога она
мне. Как память.

– Память – она всегда дорога. Сколько повременить?

– Месяц. Заплачу вдвое.

– Три сотни?

– Четыре.

– Что ж... Повременю. Может, сразу и еще расписочку накатаешь?

– Зачем тебе бумага пустая? Слово.

– Ну-ну. Слово – серебро.

В машине Гринев молчал.

Глава 21

У входа в метро Олег постоял, раздумчиво глядя на сотовый, потом подошел и аккуратно опустил его в урну. Спустился к кассе, купил карточку, набрал из автомата номер. Слышимость была отвратительная.

– Иваныч?

– Федорович! Ты куда пропал?

– Уже нашелся.

– Ты где?

– Помнишь, где мы вкушали чебуреки с волчатиной?

– С волчатиной?

– Ты выразился именно так. А мне – понравилось.

– Помню.

– Подъезжай сюда. Но не на большой машине. И – окольно.

– Понял, не дурак. Тут Борзов...

– Иваныч, разговоры тоже потом. И сотовый можешь выбросить.

– Угу.

– Жду тебя.

Ждать пришлось почти два часа. Иваныч появился на сером «Москвиче» двадцатилетней давности. Посигналил. Олег открыл дверцу и плюхнулся на переднее сиденье.

– Ты где раздобыл такого рысака?

– Занял у одного соседа по старому гаражу. Типа аренды. У нас что, Федорович, облава?

– Есть немного.

– Я так и понял. Не, машину эту никто не вычислит, можно кататься спокойно. Я, как к тебе ехал, по переулкам и «сквознякам» центра лихо крутнулся. Чисто. И доверенность сделал по всей форме. Чтобы никаких вопросов.

– Что в конторе?

– Борзов рвал и метал! Оставил своих бугаев. Но, если честно, вид у него... похоронный.

– Могу его понять. Что Том?

– Молодцом. Лицо камнем, типа «клерк», а что там хозяйева мыслят и где их носит – не его дело, да они и не докладывают.

– Талантливый молодой человек. Далеко пойдет.

Водитель внимательно посмотрел на Олега, но промолчал. Потом не выдержал, спросил:

– Ты крепко попал, Федорович?

– Да. – Не горюй. Выберемся. Далеко рулить?

– Домой.

– В смысле...

– К родителям.

Лицо Олега закаменело, но прошло это через минуту.

– Федорович, не мое дело, конечно, но если пошла такая пьянка... Думаю, ту твою квартиру тоже обложили.

– Она уже не моя.

Водитель только покачал головой, сосредоточился.

– Кстати, Иваныч... В теперешних обстоятельствах... Короче: я сам водить умею и...

– Нет, Федорович. Ты уж меня не обижай. Ты ж со мной всегда не по-хозяйски, а по-человечески.

– Я в том смысле...

– И я в том.

Молчание длилось с полминуты.

– Ну извини.

– Да ты чего, Федорович. Я про квартиру говорить начал: ее обложили, верняк. Могли борзовские орлы, могли... Ну да тут тебе виднее. Тебе в квартиру нельзя.

– Когда нельзя, но нужно, то – можно.

– Я пойду. Если даже пасут, то тебя.

Олег задумался, спросил:

– Уверен?

– А как же. Я же за баранкой двадцать лет. Когда не уверен – не гоню.

– Ладно. Но «Москвич» оставишь в двух кварталах, пешочком разомнешься.

– Понял.

– Поднимешься, зайдешь. За спальней кладовка. Там баул. Захватишь. Потом – поднимешься на верхний этаж. Тот ключ, что с одной бородкой, от чердака. Замки в чердачных дверях не навесные, врезные. Все одинаковые. Откроешь, пройдешь по чердаку, выйдешь из крайнего подъезда, сразу

свернешь налево, за угол, там проходной. Если кто во дворе и припасывает, то с ходу не сообразят. Выйдешь к универсаму, напротив остановка: троллейбус, автобус, маршрутка. Народу за пять минут набирается. Проедешь одну остановку. Дальше ко мне – пешком и – осмотришь.

– Накрутил ты, Федорович. Как в кино про Штирлица.

– Все запомнил?

– Немудрено. Сделаю.

Автомобиль припарковался к обочине у одного из сквериков.

– Ты бы, Федорович, пошел, в кафешке пивка попил. Чего сидеть, нервы себе тереть?

– Лучше посплю.

– Тоже дело, если спится, – с уважением отозвался водитель.

– Да, если бабульки будут у подъезда, поздоровайся.

– Я вообще вежливый.

– И по сторонам головой не верти. Так примечай.

– Федорович, что ты меня «лечишь», как несмышленного?

Как-никак в свое время в армии служил.

– У тебя специфика была другая. Все, пока, удачи.

– К черту.

Олег прислонился к стеклу и смежил веки. Уже и первый сон за клубился приятной грезой: теплое море ласково набегало на мелкий песок, а разноголосый московский шум сделался дальним и сливался уже с шумом прибоя...

Глава 22

В окошко раздался требовательный стук. Олег вскинулся, не вполне узнавая окружающее.

– Гринев? Ну ты и место себе для сна разыскал! Ты что, напился? Как ты залез в такую рухлядь? А я ищу тебя по всем телефонам!

От этой женщины, как от тайфуна, – никуда.

– Эвелина?

– Не знаю, кого ты видел во сне, но я – наяву. Уразумел? Может, распахнешь для дамы дверь?

Олег огляделся. В нескольких метрах впереди застыл ослепительно белый «пассат», за рулем его угадывалась фигура чернокудрого мужчины.

– А твой мачо не заревнует?

– Тебя это заботит?

Дверь Эвелина открыла сама, Олегу пришлось передвигаться на водительское место, иначе бывшая жена запросто плюхнулась бы ему на колени.

– Гринев, у тебя нездоровый вид. Все так и живешь? Ешь по всяким закусочным что попало, спишь с кем придется... Горбатого могила исправит.

– А по мне – я красивый.

– Твой горб – в душе. А это еще уродливее.

Олег только вздохнул: и какой леший дернул его жениться

на девице с именем Эвелина? Есть в этом что-то от барокко, а он всегда предпочитал ампир. М-да, странные дела случаются порой с мужчинами.

– Тебе, Гринев, ничего, ничего не дорого! Ни отношения, ни участие, ни-че-го! Только биржа, биржа, биржа... Люди живут нормальной жизнью, а ты...

– Что для кого нормально.

– Прекрати! Для всех нормально то, что естественно.

– Скажем, содержать двух мачо и третьего – на десерт.

– Раз это тебя задевает, значит, я тебе небезразлична.

Гринев только вздохнул. Если бы она могла представить, до какой степени...

– Я, кстати, ехала к тебе на родительскую квартиру. На твоей холостяцкой я уже была. Поскольку тебя нигде нет, решила, что ты затворничаешь. Гринев, а знаешь... Может, ты по жизни – монах? Так шел бы в монастырь и читал бы эти, как их, псалмы... – Эвелина расхохоталась. – Я представила тебя с бородой и в клобуке. Пожалуй, это было бы оч-ч-чень сексуально.

– Лина... Глаза Эвелины затуманились недолгой печалью.

– Гринев, признаюсь, ты был хорош как мужчина, но при этом никогда не мог понять желания женщины.

– Виноват, исправлюсь.

– Прекрати кривляться! Я потратила на тебя лучшие годы жизни...

– Всего два. Обычно говорят – угробила молодость.

– «Всего два». Подумай, как я могла бы устроиться, если бы не ты!

– Разве ты не устроилась?

– На что ты намекаешь? На ту жалкую квартирку у черта на куличках, куда ты запер меня при разводе? На старую рухлядь, на которой я езжу?

Олег оглядел белоснежную красавицу впереди с курчавым мальчиком за рулем.

Мальчик по-хозяйски выставил локоток в окно и покурил тонкую ароматизированную сигарету. Запах ментола был слышен даже здесь.

– Не такая уж и рухлядь.

– Ты не представляешь, сколько она жрет денег!

– Представляю. Страховку, если мне не изменяет память, продолжаю оплачивать тоже я.

– Ты хочешь, чтобы я платила за все?! И это при том, что я... что ты... ты просто жлоб.

– Может быть.

– Так оно и есть! Знаешь, что в тебе самое непереносимое, Гринев? Ты мог бы сидеть на мешке с ассигнациями и не потратить на себя ни цента. Знаешь, почему? Тебя это совершенно не интересует! Тебя не интересуют деньги, тебя не интересуют удовольствия, тебя ничего не интересует, кроме финансов! А что такое финансы? Ничто, фикция!

– Слушай, Лина, твой мальчик трет задницей очень даже не фиктивное сиденье и курит вполне респектабельные си-

гареты.

– А что он должен курить? «Беломор»? – искренне удивилась Эвелина.

– Да хоть кедровые шишки! Почему?! Почему я должен сидеть и слушать всю эту ахинею, Лина?! Ты хочешь жить, как ты хочешь?! Так живи! Флаг в руки, барабан на шею, пилотку на голову!

– Легко сказать – как хочешь! Ты решил от меня избавиться и засунул в ту жалкую конторку пахать за жалкие гроши!

– Сидеть куклой перед компьютером – ты называешь «пахать»? А штуку зелени в месяц за это сидение – грошами?

– Я все-таки закончила колледж культуры и могла бы...

– Блистать на сцене. Я помню: ты знаешь ноты.

– Ты злой, бессердечный эгоист. – Эвелина краешком платочка, осторожно, чтобы не задеть макияж, промокнула сухие глазки. – Ты хоть понимаешь, почему я тогда ушла? Твой распрекрасный Валерий Игоревич приставал ко мне самым недвусмысленным образом! Ты нарочно меня туда устроил, подстелил под приятеля!

Только я не из таких!

– Лина... – Олег поморщился так, будто съел лимон – Ты уж на Валерика не наговаривай! Господин Стеклов – убежденный и законченный гей. И твоя ультракороткая юбка пугала его больше, чем Колчака бронепоезд «Вся власть Советам».

– Вот именно! Думаешь, приятно было работать среди го-

миков?

– Что тебе нужно? – выдохнул Олег, чувствуя, как голову заполняет тяжелая волна.

– Общения. Только общения. Но ты никогда не понимал женщин. А незаурядные женщины – вообще не для тебя. Тебе милее потаскухи.

– Что тебе от меня нужно сейчас? – отдельно, по складам, выделяя каждое слово, повторил Олег.

– Ты знаешь, я снова временно не работаю, но вынуждена париться в Москве, как какая-то лимитчица.

– Зачем же париться? Съезди к родителям, под Пензу... Дорога туда, обратно, и там... – Олег поднял глаза к потолку:

– На все про все – семь тысяч.

– Долларов! – быстро подсказала Эвелина.

– Рубле-е-ей, – развел руками Олег.

– Ты... ты... ты еще издеваешься?! – На этот раз слезы на ее глазах были непритворными. – У меня... у меня даже денег на бензин нет!

– Понимаю. Нищета.

– Скотина!

– Эвелина, ты зарвалась. Встречаться с Золотницким и не иметь денег на бензин?

– Золотницкий – свинья и скряга. Я его бросила, работу летом в Москве – не найти.

– Еще ее не найти зимой, весной и особенно осенью. У тебя от головы что-нибудь есть?

– Ты все пьешь эти таблетки? Когда-нибудь ты. загонишь ими себя в могилу.

– Эвелина открыла сумочку. – Вот. Хороший американский аспирин. Прими сразу две, и тебе станет легче.

– Угу, – кивнул Олег, забросил таблетки в рот и проглотил.

Эвелина вздохнула:

– Порой ты похож на животное. Но я тебя все равно жалею.

– Да? – Олег вынул из внутреннего кармана портмоне, вытряхнул из него долларов четыреста на колени Эвелине, выдохнул:

– Все, что есть.

– Вот только подачек мне не нужно. – Эвелина быстро собрала деньги и спрятала в сумочку. – Уж сколько ты там со своим Черновым загребаешь на доверчивых лохах – я догадываюсь. Но, заметь, никогда не требовала от тебя ничего лишнего.

– Я помню.

– А знаешь что? Говорят, если мужчина к твоим годам не обрел твердое положение, то он неудачник.

– Так говорят?

– Это общеизвестно. Что тебе остается? Только сожалеть о прошлом. Ты сожалеешь?

– Да, – сокрушенно и искренне кивнул Олег. – Сожалею. Лицо Эвелины расцвело счастливой улыбкой.

– Такую, как я, тебе не найти. Ты хоть понимаешь это?

– Таких больше нет.

– Ты искренен? – подозрительно глянула Эвелина, сморщив лобик.

– Абсолютно.

– Ну ладно. Пока. – Она приложила напмаженными губками к его щеке, оглядела себя в зеркальце, вышла довольная и буквально поплыла к машине, перемещаясь в пространстве неземным видением, облаком, миражом. Олег какое-то время очумело смотрел ей вслед, потом закрыл лицо руками, плечи его затряслись.

Эвелина обернулась, наклонилась к курчавому молодому человеку за рулем «пассата»:

– Бывший муж. Никак не может меня забыть. Ты видишь? Он рыдает!

На самодовольном лице юноши расцвела белозубая улыбка абсолютного, вселенского превосходства.

Эвелина обошла автомобиль, удобно устроилась на сиденье, произнесла величаво:

– Поехали.

Бросила взгляд в зеркальце заднего вида, поджала великомерно очерченные губы, повторила удовлетворенно:

– Рыдает.

«Пассат» плавно тронул и через минуту скрылся из вида. Олег убрал ладони от лица и мешком завалился на соседнее сиденье. Он хохотал.

Глава 23

Олег пробирался через снежное поле по узенькой тропке по-над лесом. И знал, стоит ступить чуть в сторону, и он с головой уйдет в холодную пелену и не выберется уже никогда... А потом вдруг оказался в своем офисе, но он почему-то тоже был засыпан снегом. На окнах не оказалось ни стекол, ни рам, и они зияли пустыми проемами. Снег залетал и кружился, кружился... Но холода почему-то не было. Наоборот, Олег чувствовал, что ему душно, что нечем дышать.

А потом вдруг стало страшно. Чья-то темная, неподвижная тень застыла за спиной, а впереди был только провал окна, и из белого он сделался черным, и чья-то рука тянулась сзади, пока не коснулась плеча...

Олег открыл глаза. К вечеру московская жара стала душной, наполненной запахами гари, перегретого асфальта, мазута. Олег попытался представить, что всего-то полтора столетия назад на месте громадного мегаполиса стояла большая деревня с домами-усадебками, где были и пруды, и огороды, и сады с деревьями, согнувшимися под тяжестью груш, яблок, с малинниками и зарослями крыжовника... Попытался, но не смог.

Дверь распахнулась, Иваныч уселся на место пассажира. – Ты чего на водительском, Федорович? Порулить решил? Олег потрянул головой.

- Я все же закемарил. И как-то не в тему.
- На жаре спать – бррр... Голова потом чугунная.
- У меня как раз такая. А снилась почему-то зима.
- Душа прохлады хочет.
- Душа – может быть. А я хочу кофе. Или коньяку.

Олег подхватил принесенный средних размеров баул, расстегнул, заглянул внутрь, вынул два сотовых, один отдал водителю:

- Вот теперь мы со связью.
- Аппараты допотопные.
- Какая тебе разница? Подключена, проплачены. На фамилии Иванов и Федоров.

Батарейки вставить, и болтай – не хочу. Как прошло?

- Да без происшествий.
- Кто-то маячил?
- Не понять. Двое бомжей на помойке рылись, но неусердно как-то, лениво.

Два ремонтника у канализационного люка зависали. Бабушек у подъезда не было, так что здороваться не пришлось.

- На хвост проверялся?
- А то. Уж поверь, Федорович, не было хвоста. Да я у тебя и дома-то пробыл секунд тридцать. Зашел, открыл чуланчик, хапнул баул и – до свиданья. Если и была какая-то аппаратура на вскрытие хаты, то кто успеет отреагировать? Никто.

Ты же не сенегальский шпион, да и мы не от ФСБ хоронимся. А частники – они частники и есть.

– Почти все нынешние частники – бывшие государственники.

– Это которые путные. А беспутных – больше.

– Значит, все смирно?

– Как на погосте.

– Вот про кладбище под вечер не надо, ладно, Иваныч?

– Суеверие все это.

– Кому как.

– Едем?

– Да. До ближайшего хорошего гастронома. Коньяку хочу.

– Не жарковато?

– Я замерз во сне.

– Местами поменяемся? А то вдруг тебе судорога пальцы сведет? А я все же шофер.

Они пересели, водитель вставил ключ зажигания, плавно тронул. Олег сидел ссутулившись и довольно бессмысленно смотрел на приборную доску.

– Федорович, ты, случайно тут кокаином не баловался?

– Я не из балованных, ты же знаешь.

– Знаю. И коньяком опять же не пахнет.

– Не пил. Только собираюсь. Что-то не так?

– Вид у тебя того... шальной. И глаза красные. Как у кролика.

– Ночью мало спал.

– Дело молодое. Но как я уходил, ты другой был.

– Сон мой был краток и прерывист.

– Чего так?

Олег вздохнул сокрушенно:

– Ты не поверишь, Иваныч, но на меня здесь набрела Эвелина.

– Кто?!

– Она, она.

– И ты, конечно, дал ей денег.

– Что мне оставалось?

– Не мое дело, конечно, Федорович... Но этой... Ладно, не буду. А по правде: дать ей раза между рогов, и все. Чтоб язык свой поганый проглотила.

– Ну что ты, Иваныч. Она по-своему даже мила.

– Она дура!

– Полная.

– Как тебя вообще угораздило на ней жениться?..

– Странные дела случаются с мужчинами. С тобой не бывало?

– Бывало, – понуро кивнул Иваныч. – Но на таких меня больше чем на пару дней не хватало. А ты же умный, Федорович, как ты...

– Помнишь у Островского: «На всякого мудреца довольно простоты». Если перетолмачить со старомосковского на нынешний диалект...

– ...Не все коту масленица.

– Ну вроде того. И еще одна штука. Эвелина одно время увлекалась «Маленьким принцем» Экзюпери.

– Эвелина умеет читать? Не наговаривай на девушку!

– Я ей пересказал. В минуту нежности. Потом кассету купил. Вот она из нее и почерпнула.

– Что именно?

– Мы в ответе за тех, кого приручили.

– Она не на Лисенка, она на выдру похожа! Из которых шапки кроют.

– Есть немного... – кивнул Олег. – А все же... В чем-то ведь она права, а?

– Ты просто добрый, Федорович. А по мне: промеж рогов – и вся любовь.

Извини, если сказал что не так. Выскакивай в гастроном, я мотор глушить не буду.

Олег вернулся с бутылкой дорогого коньяка, откупорил, налил в пластиковый стаканчик. Выпил один, другой, третий. Откинулся на спинку сиденья.

– Далеко теперь?

– Во Внуково.

Водитель кивнул. «Москвич» попетлял по улочкам, выехал на проспект.

– Мы спешим на какой-то рейс? – спросил он.

– Нет.

– Тогда будем соблюдать правила.

– Соблюдать правила – всегда хорошо.

– Я тебе скажу так, Федорович. Правила, их не дураки придумали. Хотя и раздражаешься, и вообще... Я за рулем два-

дцать лет. Даже с гаком. И честно: если бы все катались по правилам, людей погибало бы куда меньше.

– Соблюдать правила необходимо, чтобы сохранить жизнь, – произнес Олег, размышляя о чем-то своем. – А чтобы победить, нужно их нарушить.

– Ты о чем, Федорович?

– Так.

Водитель пожал плечами:

– Музыкачку включу?

– Давай.

Мелодия была ритмичной. Женский голос, чуть с хрипотцой... Олег закрыл глаза, и – снова та, навязчивая картинка зимы...

– Приехали.

Гринева вынул из баула портмоне с набором кредиток, тоненькую пачку валюты.

– Ну что, Иваныч, я полетел.

– Далеко?

– Далеко.

– Не хочешь говорить?

– Не хочу.

Водитель только кивнул. Проводил Гринева до дверей аэропорта, помялся немного, потом все-таки спросил:

– Федорович, ты... вернешься?

– Думаешь, я решил с концами отвалить? Водитель пожал плечами, пряча глаза:

– Слухи разные в конторе с утра ходили...

– Слухи – упрямая вещь. Нет, Иваныч. Я вернусь.

– Позвони, я подъеду встречу.

Олег, погруженный в свои мысли, его, казалось, не услышал. Произнес тихо:

– Вернее... Я хочу вернуться. А там – как получится.

Билет до Барселоны Гринев купил легко. Если кто-то взялся контролировать его передвижения, тот получит информацию уже тогда, когда лайнер будет в воздухе.

Водитель с полчаса сидел в машине, потом зашел в здание аэропорта, покрутился у касс. Лайнер взлетел и плавно пошел на набор высоты. Водитель долго смотрел ему вслед, потом взглянул на оставленный сотовый, спрятал в баул.

Вынул из внутреннего кармана другой и сосредоточенно набрал номер.

Олег выпил коньяку, откинулся в кресле. Вопрос был единственный, и он не давал Гриневу покоя. Почему Чернов скрылся, и скрылся с деньгами? Простой ответ на него перечеркивался одним словом: «коррида». Кодовым паролем Бориса Михайловича, который он оставил висеть в оперативке компьютера. «Коррида».

Впрочем, скоро Олег узнает ответ. Или – не узнает никогда. С этой мыслью он и уснул. Крепко и без сновидений.

Глава 24

Утро было очень ранним, небо чистым и абсолютно синим. Гринев мчал в престижный пригород Барселоны на купленном в другом пригороде престарелом «форде» – пикапе. Приобрел он его практически на свалке по цене металлолома.

Впрочем, продавцы заверили Олега, что километров двести этот мустанг пробежит.

А больше ему и не нужно.

Особняк стоял в пригороде, к воротам вела ухоженная подъездная дорога.

Олег вспомнил расположение дома, жестокая усмешка чуть искривила губы, и он отжал педаль газа.

Борис Михайлович Чернов любил вставать рано, даже если ложился поздно. И сейчас привычке не изменил. Он сидел в просторной столовой, перед ним стоял начищенный кофейник и дымилась первая чашка кофе. Красивая молодая мулатка неторопливо выкатила из кухни столик с горячим завтраком, быстро и умело сервировала стол, расставив тарелочки с аппетитными горячими сэндвичами, тарталетками, кексами. Заменяла, кофейник другим.

Послышался натужный рев мотора, грохот сорванных ворот... Борис Михайлович поднял голову.

Серый «форд» – пикап мчался через лужайку прямо на

дом с нарастающей скоростью. Через мгновение он врезался в огромное, во всю стену, окно, груда осколков рухнула на его крышу и рассыпалась по полу. Дверца распахнулась, Гринев вывалился из автомобиля, подошел к столу, сорвал с него скатерть со всеми приборами, взял плетеный стул, развернул спинкой вперед, уселся на него верхом и улыбнулся.

Борис Михайлович остался невозмутим. Он вскинул руку, демонстративно посмотрел на часы, протянул лениво:

– А-а-а-а... Наконец-то господин Гринев пожаловали. – Повернулся к девушке, сказал по-английски, имитируя знаменитую интонацию Шона Коннери:

– Его зовут Бонд. Джеймс Бонд. – Улыбнулся одними губами:

– Еще кофе. И две чашки.

Ошеломленная служанка только кивнула и вышла.

– Медведь, без дешевых трюков ты не можешь, да?

– Просто помню, что ты не любишь крепких выражений, Борис. А высказаться очень хотелось. Пришлось найти компромиссный вариант. И произвести впечатление.

– Произвел. Bravo. – Чернов трижды хлопнул в ладоши. – Бис. В копеечку влетит тебе этот компромиссный вариант.

– С каких пор ты стал считать копейки?

– Жизнь заставила. Почем машину арендовал?

– Зачем арендовал? Купил. Дешево.

– А снесенные ворота? А зеркальное окно? Дешевые трюки всегда обходятся дорого. С тебя семь штук. – Подумал,

растянул губы в улыбке:

– А то и все восемь.

– Не накручивай, Борис. Вся эта бутафория больше трешки не стоит.

– А моральный ущерб?

– Что есть «мораль»?

– А ты становишься взрослым, Медвежонок.

– Учителя хорошие.

– А все-таки? Что привело тебя в благодатные края в столь ранний час?

– Вопрос жизни и смерти.

– Жизни и смерти? Забавно. А чьей, разрешите спросить?

– В этом и состоит главная интрига действия.

Мулатка снова вернулась, стараясь казаться невозмутимой, застелила стол новой скатертью, водрузила на него большой кофейник, поставила напротив каждого из сидящих по широкостенной чашке. Вопросительно посмотрела на Чернова, тот кивнул, девушка разлила кофе и вышла.

Борис Михайлович с удовольствием отхлебнул дымящегося напитка, сказал:

– Божественно. Только ты уж не плескайся, пожалуй: почти кипяток. К тому же я весь в белом.

– А я в чем, Борис?

– Это не моя забота.

– Да?

Олег отхлебнул кофе, закурил. Спросил:

– Ты решил свалить? С концами?

– А ты как думаешь, сынок?

– Не понимаю.

– Помнишь? Это ты посоветовал купить мне сей дом. И воздух какой, ты чувствуешь?

– Здешний климат тебе на пользу.

– Здесь нет нужды притворяться. Обыватели вокруг добры и ленивы.

– Обыватели везде ленивы.

– Но у нас – злы.

– Это от нищеты.

– А я думаю, у наших это – природное. Климат мерзкий.

– Почему ты оставил мне маячок?

– Что?

– Пароль в компьютере. «Корриду»?

– Я умный. Ты умный. Я ждал тебя, партнер. Ты приехал.

– А если следом за мной прибудет Никита Николаевич Борзов со свитой?

– Ты ему сказал, где меня искать?

– Нет.

– Вот видишь... Ты, как это раньше называли, человек чести. Я в тебе не ошибся. В людях я вообще не ошибаюсь. Потому что не очаровываюсь ими. – Чернов вздохнул:

– А жаль.

Он отхлебнул кофе, вынул из кармана сигару, со вкусом раскурил.

– А кроме тебя никто про это скромное бунгало не знает. Комнат здесь много. Живи.

– Ты что, считаешь, что сможешь наслаждаться жизнью, «прислонив» сто миллионов?

– Девяносто пять.

– Тоже неплохо.

– Твоя беда, Медведь, в том, что ты мыслишь оч-ч-чень большими цифрами и почти мировыми категориями. А играть умеешь пока «по копеечке». Отсюда несоответствие. Комплексы. – Борис Михайлович вздохнул. – Нет чтобы сыграть по правилам и – нажить те самые двести-двести пятьдесят лимончиков на двоих... Неплохая сумма, я тебе доложу.

– Хорошая. Не по правилам поступил ты, Борис. Ты вышел из игры, снял деньги и исчез. И тем самым создал проблемы.

– Ты что, действительно считаешь, проблемы создал я?

– Еще какие. Вчера мне пришлось объясняться с некими... господами. На кладбище.

– Неужели с призраками?

– Отнюдь. Среди наших клиентов оказались «деловые люди». С их «коллективным фондом».

Чернов поморщился:

– Общак?

– Да.

– Кто принимал деньги?

– Том. Под пять процентов.

– Жадный мальчик. И хитрый. При чем здесь я?

– Если бы на нашем счету оставалось девяносто пять миллионов, они бы не суежились.

– Не говори ерунду, Медведь. Нас списали бы по-любому. На твоей, как ты это называешь, игре люди потеряли... – Чернов закатил глаза к потолку, – миллиардов шесть. Ты думаешь, они остались довольны и счастливы?

– Это бизнес.

– Это глупость.

– Я тебе все объяснил, Борис. Мои расчеты...

– Ты меня развел, Медведь. Меня! И тем – подставил. Ты имел одни расчеты для меня, другие – для себя. Так?

– Ты же сам сказал: я повзрослел. Ты никогда не согласился бы на столь рискованную игру.

– Это не игра, а самоубийство.

– Как бы там ни было, я собираюсь продолжить.

– Что?

– И выиграть.

Борис Михайлович откинулся на стуле, долил себе кофе, долго помешивал, забыв положить сахар. Наконец произнес:

– А ты забавный.

– Ты не понял, Борис. Я сегодня хочу вернуться в Москву. И вернуться с деньгами.

– Скатертью дорога, – оскалился Чернов. – Европейские банки к твоим услугам. Кредит пустячный, проценты ты предложишь огромные. Правда, с обеспечением неважно,

хотя... Как выразился господин Борзов, «светлая голова – надежная гарантия». Валяй.

– Верни деньги, Борис.

– Деньги? У тебя были деньги, Медведь? Ты их заработал?

– Я хочу закончить дело.

– А я хочу искупаться. Через четверть часа я так и сделаю.

Понял, чем мы отличаемся?

Олег задумался, произнес грустно:

– Да. Отличаемся.

Чернов вскинулся:

– Ты решил, что я повелся на бабки, бросил налаженное дело и свинтил? А тебя решил взять в долю ради будущих полулегальных гешефтов?

– Я ничего не решил. Но готов ко всему.

– Это ты так думаешь. Ты что, считаешь, останься я – не было бы наездов?

Да они пошли бы по накатанной! И сидели бы мы сейчас не в солнечной Испании, а в «Матросской Тишине» или в «Лефортове». В разных камерах.

– Трудности надо преодолевать.

– И мочиться в писсуар, а не мимо! Какую еще сентенцию выдашь?

Гринева пожал плечами.

– Тогда выдам я! Убираться из Москвы после твоих ху дожеств нужно было без вариантов! Чтобы выжить! Понял? Мы попали на семь лимонов! Если поскрести по сусекам, я

набрал бы эти деньги и расплатился с кредиторами, и – что дальше? С такой-то славой? Быть нищим и никому не нужным?

– Борис...

– Молчи и слушай! Дело даже не в этом. Ты убил рынок, разорились сотни предприятий, и – что? Нашим милым государственным структурам ты скажешь, как мне: «Это бизнес»? Да тебя искупают в дерьме и – схарчат! Схрумкают так, что и поминания не останется! В такой ситуации властям нужны крайние; крайними оказались бы ты и я. Это второе. И третье. Кто ты такой? Мелкий брокер. В каком уровне ты сыграл? В уровне даже не крупных финансовых спекулянтов – в уровне воротил рынка! Тебе это простят? Нет. Мне это простят? Нет. Поэтому, в какую бы камеру нас ни запихнули, до суда мы не доживем! В Москве нас закопают.

В прямом смысле слова. Поэтому я здесь. – Чернов усмехнулся. – Ты, кстати, тоже.

– Я тебе сказал правду, Борис: рынок я грохнул намеренно.

Борис посмотрел за окно, и взгляд его сделался тоскливым.

– Ты сумасшедший, Медведь. Шатун. Так бывает: за цифрами и строчками курсов ты перестаешь видеть людей: игроков, бизнесменов, директоров предприятий и президентов компаний, руководителей государств, некоронованных королей финансовых и промышленных империй. А все это

люди недоверчивые, ретроградные, скупые, у всех у них свои интересы, которых ты не знаешь, потому что знать не можешь! Со своей куцей схемой ты как дебил на рельсах скоростной трассы!

Думаешь, поезд тормознет, если ты помашешь платочком? Не тормознет. Не успеет.

Да и не захочет. Дебилов много, а расписание нарушать нельзя. Ты понимаешь хотя бы это?

Олег промолчал.

– Нужно отсидеться здесь, – убежденно сказал Чернов. – Выждать время, пока все в Москве устаканится.

– Ты что-то придумал?

– Семь лимонов, имея почти сотку, мы вернем за полгода. Аккуратно и анонимно наварим на азиатских рынках. А можем и не семь наварить, а семнадцать, если повезет. И – вернемся в Москву. Тихо, без помпы вернем Борзову сотку, раздадим всем сестрам по серьгам и продолжим свое дело. Усердие, целеустремленность, практичность.

Гринев поморщился:

– Азартная перспектива.

– Реальная.

– Я устал от той жизни.

– Тем лучше, поживи пока этой.

– Я хочу завершить игру. Дело. Ты не понял, Борис. Не собирался я переть против паровоза, наоборот: хочу прицепиться к этому скоростному локомотиву вагончиком и взле-

теть! Сейчас на девяносто пять миллионов можно купить столько акций, что при взлете...

– «Голубой вагон бежит, качается, скорый поезд набирает ход...» – грустно напел Чернов. – Ты болен, Медведь. Моя вина. В том, что я этого не заметил.

Время от времени с биржевиками такое случается. Игра становится наркотиком, и человек уже не соизмеряет своих возможностей с объективной реальностью. Может, тебе действительно подлечиться? В Штатах есть хорошая клиника.

– От чего там лечат?

– От неумных амбиций.

– Фабрика муляжей?

– Мир вообще – фабрика муляжей, а то ты не знаешь? Людям только кажется, что они мечтают. На самом деле – плавно так бегут по кругу. И не у всех цирк этот так комфортен, как у нас с тобой. А нам... нам еще повезло: мы эксплуатируем алчность тех, кто успел наворовать м н о г о. И – делаем свою игру.

– Или – чужую.

– Чужую? – Чернов посмотрел на Олега пристально, внимательно. – Хорошая мысль. Очень хорошая. Очень.

Глава 25

Олег закрыл лицо руками. Произнес тихо:

– Я устал. Завтра понедельник. Рабочий день. Мне нужно вернуться в Москву.

С деньгами. И продолжить. Верни деньги, Борис. Я официально возьму на себя все претензии кредиторов. Как партнер – имею право.

Чернов лишь усмехнулся криво:

– Болезнь приобрела необратимый характер.

– Борис, а помнишь средние шестидесятые?

– Лучше, чем ты. Тебя тогда еще не было.

– Студенческие баррикады Парижа, Штаты, Германия. И лозунг времени:

«Будьте реалистами – стремитесь к невозможному».

Чернов усмехнулся:

– Времена меняются, нравы остаются. Те мальчишки переросли свои идеалы. И стали вполне успешными бюрократами. Такова жизнь.

– Значит, я пока расту. Может, еще образуется?

– Ты слишком игриво настроен, Медвежонок. Я тебе все сказал. – Чернов вздохнул:

– Боюсь, тебе уже поздно. Как в том медицинском анекдоте: «Больной перед смертью потел? Очень хорошо!» Олег молчал с минуту. Потом отчеканил:

– Я все продумал, Борис. Все. И намерен идти до конца.

Чернов усмехнулся криво:

– Мне стоило это учесть... Шизофреники всегда «идут до конца». А стоит ли так торопить свою кончину?

– Ты нарушил правила, Борис, – упрямо повторил Гринев.

– Предположим. И – что?

– Ты вернешь деньги, и мы расстанемся.

Чернов рассмеялся, но на этот раз совсем неискренне: что-то в тоне Гринева его насторожило. Но издевательский тон он сохранил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.